Republica Moldova

CURTEA CONSTITUŢIONALĂ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об утверждении Доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году

КИШИНЭУ

11 января 2021 года

Именем Республики Молдова,
Конституционный суд в составе:

Домника МАНОЛЕ, *председатель,*
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН,
Владимир ЦУРКАН, *судьи,*
при участии начальника Секретариата Конституционного суда, Елены Тентюк,

рассмотрев в пленарном заседании Доклад об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году,

руководствуясь положениями ст.26 Закона о Конституционном суде № 317 от 13 декабря 1994 года, ст. 61 ч. (1) и ст. 62 п. f) Кодекса конституционной юрисдикции № 502 от 16 июня 1995 г.,

на основании ст.10 Закона о Конституционном суде, ст. 5 п. i) и ст. 80 Кодекса конституционной юрисдикции,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить Доклад об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году, согласно приложению.

2. Настоящее постановление публикуется в «*Monitorul Oficial al Republicii Moldova*».

Председатель **Домника МАНОЛЕ**

Кишинэу, 11 января 2021 г.,
ПКС № 1

Утвержден
Постановлением Конституционного суда
№ 1 от 11 января 2021 года

ДОКЛАД
об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году

РАЗДЕЛ I. ОРГАН КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

A. Статус и полномочия Конституционного суда

Статус Конституционного суда, единственного органа конституционной юрисдикции в Республике Молдова, автономного, независимого от законодательной, исполнительной и судебной властей органа, закреплен в Конституции, которая устанавливает также принципы и основные полномочия Суда. Статус Конституционного суда определяется его первостепенной задачей в обеспечении уважения ценностей правового государства: гарантирование верховенства Конституции, обеспечение реализации принципа разделения государственной власти, гарантирование ответственности государства перед гражданином и гражданина перед государством. Эти наиважнейшие функции осуществляются при помощи средств, гарантированных Конституцией.

При должной организации государственной власти роль Конституционного суда является существенной и определяющей, представляя собой подлинную опору для государства и демократии, для обеспечения равенства перед законом, прав и основных свобод человека. Вместе с тем, Конституционный суд способствует эффективной деятельности органов публичной власти в реализации конституционных отношений, основанных на разделении, равновесии, сотрудничестве и взаимном контроле властей в государстве.

Полномочия Конституционного суда, установленные в ст.135 Конституции, развиваются Законом о Конституционном суде №317 от 13 декабря 1994 года и Кодексом конституционной юрисдикции №502 от 16 июня 1995 года, которые предусматривают, *inter alia*, процедуру разрешения обращений, порядок избрания судей и Председателя Конституционного суда, их полномочия, права и обязанности. Так, в соответствии с конституционными положениями, Конституционный суд:

a) осуществляет по запросу контроль конституционности законов, положений и постановлений Парламента, указов Президента Республики Молдова, постановлений и ордонансов Правительства, а также международных договоров, одной из сторон которых является Республика Молдова;

b) дает толкование Конституции;

c) высказывается по предложениям о пересмотре Конституции;

d) подтверждает результаты республиканских референдумов;

e) подтверждает результаты выборов Парламента и Президента Республики Молдова, признает мандаты депутатов и Президента Республики Молдова;

f) констатирует обстоятельства, оправдывающие роспуск Парламента, отстранение от должности Президента Республики Молдова или временное исполнение его обязанностей, а также невозможность исполнения Президентом Республики Молдова своих обязанностей в течение более чем 60 дней;

g) разрешает исключительные случаи неконституционности правовых актов;

h) принимает решения по вопросам, предметом которых является конституционность партии.

B. Судьи Конституционного суда

Согласно ст.136 Конституции, Конституционный суд состоит из шести судей, назначаемых на шестилетний срок.

Постановлением Конституционного суда № AG-5 от 23.04.2020 года на должность Председателя Конституционного суда тайным голосованием была избрана судья Домника Маноле сроком на три года.

Начиная с 23 апреля 2020 года, Пленум Конституционного суда имеет следующий состав:

Домника МАНОЛЕ, председатель,
Эдуард АБАБЕЙ,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН,
Владимир ЦУРКАН, судьи.

C. Организационная структура

Конституционный суд осуществил свою деятельность согласно организационной структуре, утвержденной Определением № 9 от 23 марта 2018 года.

D. Обращение в Конституционный суд

Конституционное судопроизводство осуществляется по обращению субъектов, которым было присвоено данное право. Законодательство Республики Молдова не наделяет Конституционный суд правом осуществлять судопроизводство по собственной инициативе. Так, согласно ст.25 Закона о Конституционном суде, с последующими изменениями, внесенными *Законом № 99 от 11.06.2020 года*, и ст. 38 ч. (1) Кодекса конституционной юрисдикции, правом обращения в Конституционный суд обладают:

a) Президент Республики Молдова;
b) Правительство;
c) министр юстиции;

d) судьи/судебные составы Высшей судебной палаты, апелляционных палат и судов;

d[1]) Высший совет магистратуры;

f) Генеральный прокурор;

g) депутаты Парламента;

h) парламентские фракции;

i) народный адвокат;

i[1]) народный адвокат по защите прав ребенка;

j) советы административно-территориальных единиц первого или второго уровня, Народное Собрание Гагаузии (Гагауз Ери) – в случаях проверки конституционности законов, регламентов и постановлений Парламента, указов Президента Республики Молдова, постановлений, ордонансов и распоряжений Правительства, а также международных договоров, стороной которых является Республика Молдова, не отвечающих ст. 109 и, соответственно, ст. 111 Конституции Республики Молдова.

Обращения, представленные вышеназванными субъектами, должны быть обоснованными и отвечать по форме и содержанию требованиям ст.39 Кодекса конституционной юрисдикции.

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

A. Оценка Конституционного суда в вынесенных постановлениях

1. ПОНЯТИЕ «СЕРЬЕЗНАЯ ФАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ

Постановлением от 23 января 2020 года Конституционный суд разрешил исключительный случай неконституционности некоторых положений ст. 6 п.11[1]) Уголовно-процессуального кодекса[1].

Конституционный суд отметил, что, если апелляционная инстанция в результате рассмотрения уголовного дела допустила серьезную фактическую ошибку, участники процесса могут в кассационном порядке обжаловать данное определение.

Первое предложение п. 11[1]) статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса определяет понятие «серьезная фактическая ошибка», то есть ошибочное установление существующих или несуществующих фактов из-за непринятия во внимание подтверждающих их доказательств либо из-за искажения их содержания.

В то же время, второе предложение п. 11[1]) данной статьи предусматривает, что «серьезная фактическая ошибка не является неправильной оценкой доказательств».

Конституционный суд подчеркнул, что серьезная фактическая ошибка касается неправильного установления фактов и заключается в ошибочном подтверждении их наличия или отсутствия. В сущности, установление фактов направлено на выявление истины. Это возможно в результате оценки доказательств с точки зрения их подлинности. Следовательно, установление фактов неразрывно связано с оценкой доказательств.

Законодатель предусмотрел два способа совершения серьезной фактической ошибки: 1) непринятие во внимание доказательств и 2) искажение доказательств.

Что касается непринятия во внимание доказательств, Конституционный суд отметил, что и первая, и апелляционная инстанции могут принять или, по обстоятельствам, отклонить ходатайства о сборе доказательств. Так, непринятие во внимание доказательств может означать, среди прочего, необоснованное отклонение представленных сторонами доказательств. Однако вышеупомянутого аспекта было достаточно, чтобы Конституционный

[1] Постановление № 2 от 23.01.2020 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 6 п. 11[1]) Уголовно-процессуального кодекса

суд пришел к выводу, что первый способ совершения серьезной фактической ошибки может быть связан с неправильной оценкой доказательств с точки зрения их уместности.

Что касается искажения доказательств, в основе этого способа совершения серьезной фактической ошибки лежит намеренное изменение смысла, природы или характера некоторых фактических элементов. Следовательно, искажение содержания доказательства, совершенное судебной инстанцией, имеет место только в ходе его оценки.

В связи с этим, Конституционный суд указал на несоответствие между вторым предложением п. 11^1 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса (согласно которому «серьезная фактическая ошибка не является неправильной оценкой доказательств») и первым предложением той же статьи (предусматривающим, что серьезная фактическая ошибка означает «ошибочное установление существующих или несуществующих фактов из-за непринятия во внимание подтверждающих их доказательств либо из-за искажения их содержания»). Это нормативное несоответствие создает правовую неопределенность и затрагивает право лица на справедливое судебное разбирательство.

Конституционный суд заключил, что предложение «серьезная фактическая ошибка не является неправильной оценкой доказательств» в п. 11^1 части 6 Уголовно-процессуального кодекса противоречит статье 20 в сочетании со статьей 23 Конституции.

2. ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ОРГАНА НА УВОЛЬНЕНИЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ

Постановлением от 4 февраля 2020 года Конституционный суд высказался по обращению об исключительном случае неконституционности ст. 87 ч. (2) и ч. (3) Трудового кодекса и ст. 33 ч. (3) Закона о профессиональных союзах № 1129 от 7 июля 2000 года[2].

Конституционный суд установил, что роль профсоюзной организации в случае прекращения индивидуального трудового договора по инициативе работодателя является гарантией для работника, находящегося в отношениях подчиненности к работодателю, отношения, которые требуют особую защиту для предотвращения противоправного увольнения работника. Меры, направленные на защиту представителей работников, избранных в руководящие органы профсоюзов, на период исполнения ими своих полномочий носит характер правовой гарантии от возможного принуждения или давления, препятствующих исполнению ими своего мандата.

В то же время, проанализировав положения ст. 87 ч. (2) и ч. (3) Трудового кодекса, Конституционный суд пришел к выводу, что они устанавливают абсолютный и общий запрет на увольнение работника – профсоюзного организатора без предварительного согласия профсоюзного органа. Наличие согласия профсоюзного органа – обязательное условие, без него работодатель не может уволить работника, являющегося профсоюзным организатором.

Оспариваемые положения распространяются в равной мере на все основания увольнения, предусмотренные в ст. 86 ч. (1) Трудового кодекса, вне зависимости от того, имеют ли они отношение к профсоюзной деятельности или нет. Формулировка этих положений не дает работодателю возможности уволить работника – профсоюзного организатора по основаниям, не имеющим отношения к профсоюзной деятельности.

Конституционный суд посчитал, что полная зависимость увольнения работника – профсоюзного организатора от согласия профсоюзного органа ограничивает право работодателя на организацию своей деятельности. Невозможность увольнения работников – профсоюзных организаторов по основаниям, предусмотренным законом, является вмешательством в осуществление права собственности и ограничивает свободу предпринимательской деятельности, затрагивая право работодателя самостоятельно решать

[2] Постановление № 3 от 04.02.2020 г. об исключительном случае неконституционности ст. 87 ч. (2) и ч. (3) Трудового кодекса

вопросы, связанные с организацией деятельности на своем предприятии, что является очевидным, к примеру, в случае сокращения численности персонала или штата.

Конституционный суд отметил, что не может быть обеспечена защита работников путем полного игнорирования интересов работодателя, который должен обладать в установленных законом пределах самостоятельностью в организации деятельности собственного предприятия. Оспариваемые положения вынуждают работодателя оставлять на предприятии работника, деятельность которого не является объективной необходимостью.

В результате создаются серьезные препятствия в осуществлении исключительного права работодателя решать относительно своей дальнейшей работы в зависимости от экономической и коммерческой ситуации, в которой он разворачивает свою деятельность. Таким образом, обусловленность увольнения работника согласием профсоюзного органа может повлиять на финансово-экономические механизмы предприятия, как, например, структура производства, бюджет доходов и расходов, характер и объем заключаемых предприятием коммерческих договоров.

Конституционный суд подчеркнул, что целью оспариваемых положений является защита профсоюзной деятельности путем установления мер, защищающих мандат представителей трудящихся, избранных в руководящие органы профсоюзных организаций, однако эта цель не может вступать в конфликт с интересами работодателя, который, соблюдая оспариваемые положения, вынужден смириться с чрезмерным бременем, затрагивающим его право собственности. Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения ст. 87 ч. (2) и ч.(3) Трудового кодекса не являются соразмерными с преследуемой целью, так как они ограничивают экономическую деятельность работодателя.

Конституционный суд пришел к выводу, что оспариваемые положения ст. 87 ч. (2) и ч.(3) Трудового кодекса, воспроизведенные и в ст. 33 ч.(3) Закона о профессиональных союзах № 1129 от 7 июля 2000 г., не являются соразмерными с преследуемой целью, потому что, как было установлено в Постановлении Конституционного суда № 34 от 8 декабря 2017 года, §76, они ограничивают экономическую деятельность работодателя.

Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения, запрещающие увольнение работников – членов и руководителей профсоюзных организаций без согласия профсоюзного органа в случаях, когда увольнение не связано с профсоюзной деятельностью, вступают в противоречие с положениями ст. 9, ст. 46 и ст. 126 Конституции.

Конституционный суд указал, что в случае отмены этих привилегий в отношении работников – профсоюзных организаторов сохраняются **достаточные законные гарантии**, которые обеспечивают защиту их прав и интересов. Так, согласно Трудовому кодексу, увольнение работников – членов профсоюза допускается после предварительной консультации с профсоюзным органом (профсоюзным организатором) предприятия (ст. 87 ч. (1)); исполнение обязанностей и реализация прав лицами, указанными в частях (1) – (5) ст. 387, не могут служить для работодателя основанием для их увольнения или применения к ним иных санкций, могущих затронуть их права и интересы, вытекающие из трудовых отношений (ст. 387 ч. (6)); профсоюзные организаторы пользуются правом доступа к правосудию для защиты своих прав в случае злоупотреблений при увольнении (ст.355), при рассмотрении индивидуального трудового спора судебной инстанцией работодатель обязан доказать законность и привести основания освобождения работника (ст. 89 ч. (2)). Таким образом, законодатель установил гарантии против неправомерного увольнения работодателями работников – профсоюзных организаторов, которыми последние могут воспользоваться.

Конституционный суд указал, что признание неконституционности положений ст. 87 ч.(2) и ч. (3) Трудового кодекса и ст. 33 ч. (3) Закона о профессиональных союзах не является для Парламента препятствием в регулировании процедуры предварительной консультации

профсоюзного органа в случае увольнения лиц, избранных в профсоюзный орган, и профсоюзных руководителей, не освобожденных от основной работы на предприятии.

3. ТРЕБОВАНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ ЧЛЕНОВ ДЛЯ РЕГИСТРАЦИИ ПАРТИИ

Конституционный суд 25 февраля 2020 года вынес постановление об исключительном случае неконституционности некоторых положений п. d) ч. (1) статьи 8 Закона № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях[3].

Группа лиц 8 февраля 2018 года подали в Министерство юстиции заявление для регистрации политической партии, которое было им возвращено без принятия решения. После повторного заявления, Министерство юстиции отказало в регистрации политической партии на основании того, что партией не выполнены требования о количестве и территориальном представительстве ее членов.

В ходе рассмотрения дела в суде было заявлено об исключительном случае неконституционности ст. 8 ч. (1) п. d) Закона № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях.

На стадии рассмотрения обращения с точки зрения приемлемости было указано на то, что в своих предыдущих актах, принятых в этой области, Конституционный суд ограничился лишь **подтверждением полномочий Парламента устанавливать правила регистрации политических партий**, считая их **дискреционными**, не прибегнув к **проверке соразмерности** этих мер, установленных законодательным органом.

Осознавая этот факт, Конституционный суд решил проводить анализ соразмерности оспариваемых положений с точки зрения ст. 41 Конституции, гарантирующей свободу партий и других общественно-политических организаций.

Так, Конституционный суд счел необходимым проанализировать, являются ли эти три совокупных условия, установленные для регистрации политической партии: 1) требование о количестве в четыре тысячи граждан с правом голоса; 2) требование о проживании членов партии в не менее чем половине административно-территориальных единиц второго уровня; 3) требование о наличии не менее 120 членов партии в каждой из указанных административно-территориальных единиц, необходимой мерой в демократическом обществе, в соответствии с положениями статьи 54 Конституции.

Относительно ясности оспариваемых положений, Конституционный суд указал, что закон устанавливает критерии, которым должно отвечать объединение граждан для приобретения юридического статуса политической партии, являясь доступными, ясными и предсказуемыми.

В отношении того, преследуют ли оспариваемые положения законную цель, Конституционный суд отметил, что в информационной записке к законопроекту о политических партиях не были представлены доводы в поддержку установления определенных требований для регистрации политической партии.

Конституционный суд вывел из общего контекста соответствующей меры, что **преследуемая цель** состоит в **обеспечении представительства политических партий** и **недопущении чрезмерного дробления политического спектра**, **способствуя стабильности политической системы** и **защите общественного доверия к политическим партиям**. Эти цели могут быть отнесены к общим законным целям по обеспечению **национальной безопасности, территориальной целостности** и **общественного порядка**, предусмотренным статьей 54 ч. (2) Конституции.

Относительно наличия разумной связи между требованием представительства и преследуемыми законными целями, Конституционный суд отметил, что, с абстрактной точки

[3] Постановление № 5 от 25.02.2020 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений п. d) ч. (1) статьи 8 Закона № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях

зрения, требования количества и территориального представительства могут способствовать достижению указанных целей.

Относительно того, является ли требование представительства необходимым для достижения поставленных целей, Конституционный суд отметил, что в регулируемой оспариваемыми положениями области Парламент обладает определенной свободой усмотрения. В компетенции Конституционного суда входит осуществление контроля, который должен показать, что законодатель не допустил явного превышения пределов свободы усмотрения.

Хотя очевидно, что рассматриваемая мера является чрезмерной в сравнении с альтернативами, которые мог бы иметь законодатель, например, снижение количественного и представительского критериев по отношению к существующим для регистрации политической партии, специфика этих критериев такова, что **оставляет место для обсуждения наилучшего решения в случае регистрации политической партии**.

Сравнивая положения, регулирующие требование представительства на национальном уровне, с такими же положениями в других государствах, Конституционный суд установил, что не существует европейского консенсуса по вопросу формулы расчета минимального количества членов, необходимых для регистрации политической партии. Это **исключает полномочие Конституционного суда по определению конкретного числа**, которое одновременно представляло бы адекватное решение. Поскольку **это полномочие принадлежит законодателю**.

Вместе с тем, Конституционный суд отметил, что для достижения намеченной цели по обеспечению представительства политических партий, во избежание чрезмерного дробления политического спектра, для обеспечения стабильности политической системы и общественного доверия к политическим партиям могут быть установлены определенные требования **не для создания политических партий, а для их участия в выборах.**

Кроме того, существует дополнительная мера по обеспечению достижения ожидаемой законной цели, а именно минимальный представительский ценз, установленный на парламентских выборах, согласно положениям статьи 94 Кодекса о выборах. Так, политические партии, избирательные блоки и независимые кандидаты, набравшие менее указанного числа голосов, постановлением Центральной избирательной комиссии исключаются из процесса распределения мандатов.

О наличии справедливого равновесия между конкурирующими принципами, Конституционный суд отметил, что на этом этапе он должен взвесить, с одной стороны, стабильность политической системы и охрану общественного доверия к политическим партиям, который представляет собой защищенный принцип, и. с другой стороны, свободу объединения в политические партии, который является нарушенным принципом.

Европейский суд установил, что **требование к минимальной численности и представительству для регистрации политической партии будет оправданным лишь при условии, что оно допускает беспрепятственное учреждение и функционирование множества политических партий, представляющих интересы различных слоев населения**. Важно обеспечить доступ на политическую арену различных политических партий на условиях, позволяющих им представлять своих избирателей, привлекать внимание к их нуждам и защищать их интересы (*Республиканская партия России против России*, 12 апреля 2011 года, § 119; см., *mutatis mutandis*, дело *Христианско-демократическая народная партия против Молдовы*, 14 февраля 2006 года, § 67). Европейский суд также отметил, что любое вмешательство в свободу объединения должно соответствовать «**насущной социальной необходимости**» (*Gorzelik и другие против Польши* [БП], 17 февраля 2004 года, § 95).

Конституционный суд отметил, что требование о количественном и территориальном представительстве устанавливает труднопреодолимое препятствие при регистрации политической партии. Очевидно, что данное обстоятельство определяет **высокий порог, чрезмерно ограничивающий свободу объединения в политические партии**.

Указанные положения определяют **несоразмерные ограничительные требования** для регистрации политической партии, так как необходимо **одновременное выполнение трех условий количественного и территориально-представительного характера**.

Кроме того, Конституционный суд выявил **отсутствие** при применении оспариваемой нормы **справедливого равновесия между коллективными и индивидуальными интересами**.

Венецианская комиссия, в Заключении CDL-AD(2007)025 по законопроекту о политических партиях Молдовы, также отметил, что требование представительства численностью в 5000 человек, которые на момент учреждения партии должны проживать в не менее чем половине административно-территориальных единиц Республики Молдова второго уровня и не менее 150 членов в каждой из указанных административно-территориальных единиц, «**необычайно высоки», «для любой местной ассоциации его достижение почти невозможно», налагает тяжелое бремя на граждан**, которые пытаются реализовать свои законные права», в соответствии со статьей 11 Европейской конвенции, обладает «**потенциально ограничительной силой**» и, в сущности, «**является несоразмерным и не необходимо в демократическом обществе**».

Конституционный суд заключил, что количественный критерий в 4000 человек и требование о территориальном представительстве не менее 120 членов в не менее чем половине административно-территориальных единиц Республики Молдова второго уровня, установленные для регистрации политической партии, является **завышенной и несоразмерной мерой по отношению к преследуемой законной цели**.

Конституционный суд признал, что подобное ограничение не оправданно и **выходит за рамки допустимых пределов усмотрения Парламента**, является несовместимым с положениями статей 41 и 54 Конституции.

Чтобы дать Парламенту возможность выработать разумное законодательное решение, Конституционный суд решил, что данное Постановление будет производить свои эффекты с 31 июля 2020 года.

В то же время, Конституционный суд принял во внимание тот факт, что обращение было представлено в порядке исключительного случая неконституционности. Конституционный суд отметил, что запрос об исключительном случае неконституционности «выражает органическую, логическую связь между вопросом о конституционности и существом основного спора», что доступ к правосудию (включая конституционное правосудие) следует понимать, как право **конкретного и эффективного доступа.** Для реализации данного постановления по конкретному делу, в рамках которого был представлен запрос об исключительном случае неконституционности, Конституционный суд решил, что **для авторов обращения оно производит немедленный эффект.** При вынесении постановления, Конституционный суд принял во внимание мнение *Amicus curiae* Венецианской комиссии по запросу Конституционного суда Грузии о последствиях решений Конституционного суда для окончательных судебных решений по гражданским и административным делам (Венеция, 22-23 июня 2018 года, CDL-AD(2018)012, §§ 53-56) и практику ЕСПЧ (см. *Frantzeskaki и другие против Греции* (dec.), 12 февраля 2019 года, § 42).

В случае, если Парламент не пересмотрит Закон № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях в соответствии с суждениями, изложенными в настоящем постановлении, до 31 июля 2020 года, компетентный орган обеспечит регистрацию политических партий с соблюдением установленных законом условий, за исключением положений, признанных неконституционными.

4. ГАРАНТИИ ПО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ В СЛУЧАЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конституционный суд 10 марта 2020 года вынес Постановление об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 27 ч. (5) Закона № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере и п. 8 Приложения № 6 к Постановлению Правительства № 1231 от 12 декабря 2018 года о введении в действие положений Закона №270/2018 о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере[4].

Конституционный суд отметил, что Закон № 270/2018 был принят с целью введения новой системы оплаты труда бюджетных работников. Учитывая, что новая система исчисления заработной платы могла повлечь за собой сокращение должностного оклада для некоторых категорий бюджетных работников по сравнению с окладом, полученным ими ранее, законодатель установил норму о выплате разницы в заработной плате (ст. 27 ч. (1)-(3) закона). Соответствующие гарантии относятся к выплате разницы в заработной плате и предоставлению компенсационных выплат, если заработная плата, на основании нового закона, ниже, чем прежде, или составляет менее 2000 леев.

Конституционный суд констатировал, что указанные гарантии не распространялись на лица, с которыми трудовые отношения были приостановлены на день вступления закона в силу (ст.27 ч.(5) Закона). Так, разницу в заработной плате или компенсационные выплаты не получали только лица, у которых трудовые отношения с учреждением были приостановлены, в том числе в связи с отпуском по беременности и отпуском по уходу за ребенком.

Конституционный суд установил, что положения закона, которые лишают работников бюджетной сферы, с которыми трудовые отношения были приостановлены на дату вступления в силу данного закона, части заработной платы или компенсационных выплат, совершают вмешательство в право на труд, гарантированное ст. 43 Конституции. Для оценки конституционности данного вмешательства Конституционный суд проверил, если вмешательство (i) предусмотрено законом и (ii) преследует правомерную цель.

Что касается требования «предусмотрено законом», Конституионный суд отметил, что оспариваемые положения четко устанавливают, что лица, с которыми были приостановлены трудовые отношения, не получают разницу в заработной плате или компенсационные выплаты. Таким образом, данные положения отвечают требованию «предусмотрено законом», а также требованию доступности и предсказуемости.

В отношении правомерной цели, Конституционный суд отметил, что заявленная цель закона состоит в обеспечении прозрачной, справедливой, привлекательной, легко управляемой системы оплаты труда персонала бюджетной сферы, которая способна отражать и вознаграждать результат и в рамках которой основная заработная плата является основным элементом вознаграждения персонала. Одним из принципов единой системы оплаты труда является принцип недискриминации, справедливости и согласованности в смысле обеспечения единого подхода и равного вознаграждения за равноценный труд (ст. 3 ч. (1) п. b) закона). В этом контексте, Конституционный суд установил, что сокращение заработной платы для лиц, которые приостановили свои трудовые отношения, не вписывается в цели, заявленные законодателем при принятии Закона о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере, и вступает в противоречие с ее принципами.

Конституционный суд отметил. что в письменном мнении Парламент признал, что меры, которые привели к сокращению заработной платы, были приняты в условиях политики по персоналу и социальным вопросам для приведения их в соответствие с бюджетными затратами, которые может позволить себе государство. Конституционный суд указал, что недостаточность

[4] Постановление № 6 от 10.03.2020 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 27 ч. (5) Закона № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере и п. 8 Приложения №6 к Постановлению Правительства № 1231 от 12 декабря 2018 года о введении в действие положений Закона №270/2-18 о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере

бюджетных средств не является объективным и разумным основанием для ограничения конституционных прав.

Конституционный суд заключил, что заявленные законодателем основания для не применения данных гарантий к лицам, приостановившим на момент вступления в силу Закона о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере трудовые отношения с учреждением, не вписываются в цели, предусмотренные ст.54 ч. (2) Конституции.

Таким образом, Конституционный суд отметил, что оспариваемые положения противоречат ст. 16 и ст. 43 Конституции.

5. ПОРЯДОК ОТБОРА И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ КАНДИДАТУР

Постановлением от 24 марта 2020 года Конституционный суд проверил конституционность ст. 15^1 ч. (5) Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве[5].

В рассмотренном случае Высший совет магистратуры решением, вынесенным в марте 2019 года, удовлетворил ходатайство председателя суда Кишинэу и перевел судью, автора запроса об исключительном случае неконституционности, из офиса сектора Чентру в офис сектора Чокана суда Кишинэу.

Автор обращения заявила, что ч. (5) статьи 15^1 Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве противоречит принципам независимости и несменяемости судьи, гарантируемым ст. 116 ч. (1) и ч. (5) Конституции.

Конституционный суд проверил конституционность оспариваемых положений в следующих аспектах:

(i) отвечает ли порядок отбора и определения кандидатуры судьи по уголовному преследованию требованию о согласии судьи на перевод и

(ii) является ли порядок отбора и определения кандидатуры судьи по уголовному преследованию председателем судебной инстанции ясным, способным обеспечить справедливое равновесие между необходимостью, с одной стороны, обеспечения независимости судьи и необходимостью, с другой стороны, эффективного отправления правосудия.

По первому вопросу Конституционный суд отметил, что в тексте ч. (5) статьи 116 Конституции конституционный законодатель использовал императивные формулировки, чтобы подчеркнуть, что несменяемость судьи представляет собой основополагающий принцип. Поскольку данный конституционный принцип не является абсолютным, Конституционный суд отметил, что судья может быть переведен без его согласия в случае:

a) наложения дисциплинарного взыскания,

b) реорганизации судебной инстанции или

c) усиления соседнего суда.

Положения ч. (2) статьи 15^1 Закона о судоустройстве предусматривают, что судья по уголовному преследованию назначается с его согласия Высшим советом магистратуры по предложению председателя судебной инстанции. В то же время, ч. (5) статьи 15^1 закона устанавливает исключение из правила о согласии в случае, если ни один из судей не выразил своего согласия исполнять полномочия судьи по уголовному преследованию или если несколько судей выразили согласие на это. В этом случае кандидатура судьи определяется председателем судебной инстанции. Конституционный суд заключил, что судья может быть назначен на должность судьи по уголовному преследованию без его согласия. Это обстоятельство представляет собой исключение из общего правила, установленного в ч. (5) статьи 116 Конституции, предусматривающей, что перемещение судей осуществляется только с их согласия.

[5] Постановление № 7 от 24.03.2020 г. об исключительном случае неконституционности статьи 15^1 ч. (5) Закона №514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве

Конституционный суд указал, что оспариваемая норма подпадает под третье исключение из принципа несменяемости судьи, поскольку «перевод является временным и направлен на усиление соседнего суда». Конституционный суд отметил, что оспариваемая норма является конституционной в аспекте ч. (5) статьи 116 Конституции.

По второму вопросу Конституционный суд рассмотрел вопрос о том, способен ли порядок отбора и определения кандидатуры судьи по уголовному преследованию председателем судебной инстанции обеспечить справедливое равновесие между независимостью судьи, с одной стороны, и эффективным отправлением правосудия, с другой стороны.

Конституционный суд отметил, что текст «кандидатура судьи определяется председателем судебной инстанции» в оспариваемой норме прямо не предусматривает, каким способом и по каким критериям будет определять председатель суда кандидатуру судьи по уголовному преследованию. *Prima facie*, законодатель предоставил председателю суда свободу усмотрения относительно выбора способа определения кандидатуры судьи по уголовному преследованию. Однако, поскольку автор обращения оспаривал только соразмерность меры, Конституционный суд допустил, что оспариваемая норма является ясной.

Что касается соразмерности оспариваемой нормы, Конституционный суд отметил, что необходимость обеспечения независимости судьи, как и необходимость эффективного отправления правосудия, являются ценностями, защищенными статьей 116 Конституции. Ни одна из них не составляет абсолютную ценность, следовательно, обе могут быть ограничены путем оптимизации. Кроме того, между независимостью судьи и эффективным отправлением правосудия нет иерархии, а скорее взаимодействие между этими двумя ценностями для достижения общей цели, как обеспечение участникам процесса права на справедливое судебное разбирательство.

Во-первых, Конституционный суд заключил, что ни закон, ни Положение о порядке и условиях назначения судьи по уголовному преследованию не устанавливают требования, что в ходе отбора и определения кандидатуры председатель судебной инстанции обязан учитывать частную ситуацию судьи, которая могла бы исключить перевод (например, беременность; самостоятельное воспитание несовершеннолетнего; уход за членом семьи и др.). Так, оспариваемая норма невосприимчива к объективной ситуации, в которой может оказаться судья.

Во-вторых, Конституционный суд отметил, что закон не обязывает председателя судебной инстанции обосновывать ходатайство, которым он предлагает Высшему совету магистратуры кандидатуру судьи для назначения его исполнять обязанности судьи по уголовному преследованию. В подобной ситуации судья может не получить ответ на вопрос, почему был отобран именно он, а не другой судья. Более того, это может вызывать у судьи подозрения в недобросовестных намерениях председателя судебной инстанции.

В-третьих, Конституционный суд отметил, что в случае, если ни один из судей не выразил своего согласия исполнять полномочия судьи по уголовному преследованию, сам отбор и определение по усмотрению председателя суда кандидатуры является проблематичным. Так, статья 15^1 в первоначальной редакции предусматривала, что в случае, если ни один из судей не выразил согласия исполнять полномочия судьи по уголовному преследованию, кандидатура судьи определяется председателем судебной инстанции *путем жеребьевки* в присутствии всех судей, работающих в судебной инстанции, с фиксированием данного факта в протоколе.

В-четвертых, Конституционный суд отметил, что, хотя закон и ограничивает *срок* исполнения полномочий до трех лет, он не ограничивает *количество* мандатов. В первоначальной редакции закон устанавливал, что судья по уголовному преследованию назначается на трехлетний срок, без возможности исполнения полномочий в течение двух сроков подряд. Так, оспариваемая норма позволяет повторный отбор того же судьи без его согласия для исполнения полномочий судьи по уголовному преследованию.

В-пятых, Конституционный суд заключил, что закон обязывает председателя судебной инстанции отобрать лишь одного кандидата на должность судьи по уголовному преследованию. Для отобранного судьи данный факт создает неопределенность относительно причины его отбора председателем суда. Председателю судебной инстанции это дает возможность отобрать и определить кандидата по своему субъективному мнению. Относительно роли Высшего совета магистратуры, отбор и определение председателем судебной инстанции единственного кандидата ограничивает предел усмотрения Совета в данном процессе. Более того, закон не определяет случаи, в которых Высший совет магистратуры может отклонить кандидатуру, предложенную председателем судебной инстанции. В этой ситуации роль председателя суда становится доминирующей.

Конституционный суд отметил, что законодатель, регламентируя механизм отбора и назначения судьи по уголовному преследованию, отдал предпочтение *эффективному* отправлению правосудия. Данный механизм может обеспечить быстрый отбор и назначение судьи по уголовному преследованию. В то же время, **эта скорость приводит к ущемлению значимости независимости судей, которая является не менее важной ценностью в правовом государстве**.

Конституционный суд напомнил, что эффективное отправление правосудия не является самоцелью. И отправление правосудия, и независимость судей направлены на обеспечение права на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим, **законодатель должен оптимизировать эти две ценности, справедливый баланс между необходимостью обеспечения независимости судьи, с одной стороны, и необходимостью эффективного отправления правосудия, с другой стороны, как при наличии гарантий от произвола**.

Так, положения ч. (5) статьи 15^1 Закона о судопроизводстве нарушают принцип независимости судьи, установленный ч. (1) статьи 116 Конституции.

Исходя из своей практики, Конституционный суд подчеркнул, что до внесения Парламентом изменений в закон отбор и определение кандидатур судей по уголовному преследованию осуществляется председателем судебной инстанции путем жеребьевки, как предусматривала статья 15^1 ч. (5) Закона о судоустройстве в прежней редакции.

6. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДЕЙ

Конституционный суд 26 марта 2019 года вынес Постановление о толковании ст. 137 Конституции[6], которая предусматривает, что судьи Конституционного суда несменяемы в течение срока полномочий, независимы и подчиняются только Конституции.

Сформулированные авторами обращения вопросы касались:

(1) возможности привлечения конституционных судей к судебной ответственности в связи с голосованием и мнениями, высказанными при исполнении своих должностных обязанностей;

(2) возможности привлечения конституционных судей к уголовной ответственности за совершение преступлений, не связанных с исполнением должностных обязанностей;

(3) процедуры привлечения конституционных судей к уголовной ответственности;

(4) сохранения конституционными судьями должностного иммунитета после завершения мандата в связи с голосованием и мнениями, высказанными в течение исполнения судебных обязанностей.

Конституционный суд отметил, что конституционное правосудие, осуществляемое Конституционным судом, составляет один из важных элементов государства. Являясь публичным политико-судебным органом, Конституционный суд не состоит ни в одной из государственных властей: законодательной, исполнительной или судебной. Его роль заключается в обеспечении верховенства Конституции как высшего закона в правовом

[6] Постановление № 9 от 26.03.2020 г. о толковании положений ст. 137 Конституции Республики Молдова

государстве. В рамках эффективной организации государственной власти, **роль конституционных судов является существенным и определяющим**, представляя собой подлинную опору государства и демократии, гарантируя равенство перед законом, основные свободы и права человека.

Конституционный суд вновь подчеркнул, что **давление в любом виде на судей Конституционного суда при принятии постановления или мщение за вынесенное решение являются неприемлемыми и несовместимыми с принципом уважения правового государства, авторитета Конституционного суда и верховенства Конституции.**

Несоблюдение принципа независимости Конституционного суда является не только источником внутренней политической и правовой нестабильности, но и может привести к осуждению государства на международном уровне. ЕСПЧ неизменно обращал внимание на то, что судебные процедуры могут входить в сферу применения ст. 6 § 1 Европейской конвенции о защите прав человека, которая требует от суда, рассматривающего спор, независимости даже в том случае, когда разбирательство дела осуществляется в Конституционном суде.

Конституционный суд подчеркнул, что кроме защиты основных прав, гарантированных Конституцией, он должен обеспечивать соблюдение публичными органами различных ветвей государственной власти пределов, предписанных Конституцией, а иногда вынужден решать споры, возникающие между ними. В этом смысле, на Конституционный суд возложена особая задача по поддержанию демократического режима. Венецианская комиссия часто подчеркивает, что конституционные суды играют важную роль в реализации демократии на практическом уровне, в обеспечении главенства права и защиты прав человека. Таким образом, **для обеспечения независимости судей Конституционного суда необходимы сильные гарантии**.

Конституционный суд указал, что независимость Конституционного суда является одной из основных ценностей демократической системы, ее существование имеет ключевое значение для реализации других ценностей этой системы. Фундамент независимости строится на объективности и нейтральности, которые составляют главные принципы в деятельности Конституционного суда. Судьи Конституционного суда разрешают переданные им дела в соответствии с Конституцией, являясь свободными в своих взглядах и самосознании, действуя без страха и предрассудков, без пристрастия, с чувством справедливости и совести, не допуская давления или поощрения.

Независимости судей Конституционного суда способствует их неприкосновенность в отношении уголовной ответственности за взгляды и голосование в течение исполнения полномочий. Судебная неприкосновенность обретает особое значение там, где конституционное правосудие и правосудие в целом сталкиваются с последствиями политических и социальных перемен.

Иммунитет всегда связан с ролью и деятельностью учреждения, в котором работает лицо, членом которого оно является или которое оно представляет. Данный вид иммунитета является должностным, а не общим. Не должно существовать освобождения от ответственности, не имеющей связи с ролью и профессиональной деятельностью лица.

Таким образом, должностной иммунитет призван защищать судью от привлечения к уголовной ответственности за судебную точку зрения. Бенефициаром является не лицо, а независимость суда. Это важное требование вытекает из природы и характера независимости, беспристрастности и прозрачности судебной власти. **Должностной иммунитет не обеспечивает безнаказанность судьи, совершившего преступление. Иммунитет охраняет независимое вынесение судебных решений. Это означает, что судья не может быть наказан за мнение или вывод, к которому он пришел в ходе принятия решения**. Тем не менее, судья может быть наказан, если будет доказано, что он совершил преступление, то есть проголосовал в пользу лица, от которого получил взятку (преступление в виде получения взятки).

Необходимо различить преступную деятельность судьи, которая привела к вынесению решения, от самого решения суда, учитывая, что **преступная деятельность судьи может состоять лишь из одного эпизода, другого, чем выражение судебной точки зрения**. Судья должен быть наказан за коррупцию, к примеру, за получение взятки с целью разрешения дела определенным образом (получение ценной вещи взамен принятия официального акта – будь то постановление или определение). **В этой ситуации судья наказывается не за свои взгляды, отраженные в судебном решении, а за взяточничество и разрешение дела в зависимости от полученной взятки.**

Как и в случае любого другого лица, уголовное обвинение может навредить репутации судьи, а арест может окончательно загубить его репутацию. Уголовное обвинение или угрозы в адрес судьи могут быть использованы прокуратурой для оказания на него давления. Принимая во внимание тот факт, что в Восточной Европе судья нередко находится в более невыгодном положении, чем прокурор, ложные обвинения или угрозы о предъявлении обвинения в пассивной коррупции или извлечении выгоды из влияния могут быть использованы как инструмент для давления на судью в целях, преследуемых другими органами власти.

Защита судей Конституционного суда от привлечения к ответственности в связи с мнениями, высказанными в ходе принятия решений, имеет особое значение, поскольку конституционные судьи часто принимают решения по чувствительным политическим вопросам. Если не применять подобный вид защиты, в случае политических перемен в стране судьи Конституционного суда могут быть привлечены к уголовной ответственности за вынесенные решения, если новое Правительство не одобряет прежние решения или в Конституционный суд подается обращение, оспаривающее важную для нового Правительства законодательную меру. **Допуская данный вид ответственности в отношении судей Конституционного суда, под угрозой привлечения к уголовной ответственности этот инструмент может быть легко использован для оказания давления на них в ходе принятия решений.**

По затронутым в обращении вопросам Конституционный суд отметил следующее:

(1) По смыслу ст. 137 Конституции, **судьи Конституционного суда должны быть защищены должностным иммунитетом**. Конституционные судьи не должны привлекаться к ответственности за голосование или свои взгляды, или за предпринятые в осуществление должностных обязанностей законные действия. В социально-политических условиях Республики Молдова это решение уравновешивает напряженность между принципом независимости конституционных судей и принципом их ответственности. Судебную ответственность необходимо применять только к нарушениям, не связанным с исполнением полномочий конституционного судьи.

Исходя из ст. 137 Конституции, которая исключает ответственность судей Конституционного суда за голосование и взгляды, выраженные при осуществлении полномочий, Конституционный суд напоминает, что в резолютивной части своего Постановления № 12 от 28 марта 2017 г. установил **применимость ст.307 Уголовного кодекса только в отношении судей судебных инстанций общей юрисдикции**: судов, апелляционных палат и Высшей судебной палаты. Статус конституционных судей отличается от статуса судей судебных инстанций общей юрисдикции по специфическому характеру конституционной юрисдикции. **Акты Конституционного суда не могут быть подвергнуты контролю на конституционность со стороны вышестоящей инстанции, поскольку такого органа в конституционной системе не существует**.

Если наделить другой государственный орган правом пересмотра конституционности или законности акта Конституционного суда, в частности, в отношении расследования преступлений, совершенных конституционными судьями при осуществлении полномочий (не обычных преступлений), **это подорвет независимость Конституционного суда.**

(2) **Судьи Конституционного суда, безусловно, должны отвечать за любое преступление, которое они совершают вне процесса принятия решений**. К примеру, они могут быть привлечены к ответственности за получение взятки (материальной или политической) в целях разрешения дела определенным образом. Однако, в подобных случаях судьи Конституционного суда могут быть наказаны конкретно лишь за взяточничество. Таким образом, **должностной иммунитет не исключает уголовного преследования в случаях, не связанных с судебным процессом**, поскольку любой, в том числе судья Конституционного суда, может совершить преступление. Конституционный суд обращает внимание, что **должностной иммунитет не распространяется на обычные преступления**, следовательно, за их совершение судья Конституционного суда может быть привлечен к уголовной ответственности.

(3) В связи с тем, что Конституция не определяет орган, который разрешил бы заведение уголовного дела на судей Конституционного суда, и принимая во внимание конституционный статус Конституционного суда – независимого органа от любого другого государственного органа, который подчиняется только Конституции, необходимо, чтобы согласие на возбуждение уголовного преследования в отношении судьи Конституционного суда давал пленум Конституционного суда. Конституционный суд отметил, что процедура предварительного согласия является инструментом, обеспечивающим предотвращение совершения злоупотреблений в отношении конституционных судей и обеспечение их независимости. В этом смысле, **для возбуждения уголовного преследования по запросу Генерального прокурора необходимо предварительное согласие пленума Конституционного суда**. Конституционный суд отметил, что **в целях укрепления конституционного принципа независимости Конституционного суда** в случае очевидных преступлений судьи Конституционного суда могут подвергаться обыску без предварительного согласия Конституционного суда, однако задержание, арест и привлечение к административной или уголовной ответственности производятся лишь с предварительного согласия пленума Конституционного суда.

(4) Как Конституция, так и Закон о Конституционном суде устанавливают основные принципы и гарантии независимости и нейтральности судей Конституционного суда, позволяющие им объективно осуществлять акт правосудия. В этом смысле, судьи Конституционного суда не могут привлекаться к ответственности за поданные голоса или мнения, высказанные в период осуществления полномочий, **в том числе после истечения срока полномочий.** Конституционный суд подчеркнул, что это объясняется необходимостью принятия конституционными судьями мотивированных решений, без страха привлечения к уголовному преследованию после истечения срока полномочий. **Бенефициаром должностного иммунитета является не лицо, а независимость суда**. Это важное требование вытекает из природы и характера независимости, беспристрастности и прозрачности судебной власти.

Конституционный суд дал следующее толкование:

1. По смыслу ст. 137 Конституции, судьи Конституционного суда обладают должностным иммунитетом. Это означает, что они не могут быть привлечены к судебной ответственности за голосование и мнения, высказанные при исполнении полномочий.

2. По смыслу ст. 137 Конституции, судьи Конституционного суда могут быть привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные в случаях, не связанных с отправлением конституционного правосудия.

3. По смыслу ст. 137 Конституции, для возбуждения уголовного преследования в отношении судьи Конституционного суда необходимо предварительное согласие пленума Конституционного суда.

4. По смыслу ст. 137 Конституции, судья Конституционного суда не может быть подвергнут обыску, за исключением очевидных преступлений, задержан, арестован, привлечен

к уголовной или административной ответственности без предварительного согласия пленума Конституционного суда.

5. По смыслу ст. 137 Конституции, судьи Конституционного суда обладают должностным иммунитетом в связи с голосованием и высказанными мнениями и после завершения мандата.

7. ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Постановлением от 13 апреля 2020 года Конституционный суд осуществил контроль конституционности ряда положений Закона № 56 от 2 апреля 2020 года об учреждении некоторых мер поддержки граждан и предпринимательской деятельности в период чрезвычайного положения и о внесении изменений в некоторые нормативные акты[7].

Авторы обращений, депутаты Парламента Республики Молдова, отметили, что 2 апреля 2020 года Правительство нарушило процедуру принятия на себя ответственности, поскольку заседание законодательного органа не состоялось по причине отсутствия кворума и Правительство не представило проект закона Парламенту. Они отметили, что оспариваемые положения Закона № 56 от 2 апреля 2020 года, за который Правительство приняло на себя ответственность, не отвечают требованиям, установленным в Постановлении Конституционного суда № 5 от 2 марта 2016 года. Авторы обращений сослались на несоответствие оспариваемых положений статьям 60 и 106[1] Конституции.

По вопросу частичного оспаривания Закона № 56 от 2 апреля 2020 года, Конституционный суд отметил, что авторы обращений ссылаются на нарушение Правительством процедуры принятия на себя ответственности за данный закон. Этот аргумент действителен не только по отношению к оспариваемым положениям, но и по отношению к Закону № 56 от 2 апреля 2020 года в целом, так как **возможное нарушение конституционной процедуры принятия на себя ответственности Правительством влияет на конституционность всего закона**. Конституционный суд заключил, что необходимо проверить конституционность Закона № 56 от 2 апреля 2020 года в целом.

Относительно принятия Закона № 56 от 2 апреля 2020 года Правительством согласно процедуре, предусмотренной ст. 106[1] Конституции, и соответствия этой процедуры принципу разделения и взаимодействия властей, как предусматривает ст. 6 Конституции, Конституционный суд отметил следующее.

Положения статьи 106[1] Конституции выделяют **четыре этапа в процедуре принятия на себя ответственности Правительством**.

На первом этапе **Правительство принимает постановление, которым возлагает на себя ответственность за программу, заявление общеполитического характера или проект закона**. В этом контексте, Конституционный суд отметил, что Правительство публикует в Официальном мониторе не только постановление о принятии на себя ответственности, но и полный текст проекта закона, являющегося предметом этой процедуры (см. ПКС № 28 от 22 декабря 2011 года, § 66; ОКС № 77 от 12 октября 2016 года, § 29).

На втором этапе **представитель Правительства должен представить программу, заявление общеполитического характера или проект закона перед Парламентом**. Синтагма «перед Парламентом» в ч. (1) статьи 106[1] Конституции подразумевает представление на пленарном заседании Парламента документа, за который Правительство принимает на себя ответственность. **Представление правительственной инициативы перед Парламентом является главным и незаменимым этапом в процедуре принятия ответственности.** После этого начинается трехдневный срок для внесения предложения о выражении недоверия

[7] Постановления № 10 от 13.04.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений Закона № 56 от 2 апреля 2020 года об учреждении некоторых мер поддержки граждан и предпринимательской деятельности в период чрезвычайного положения и о внесении изменений в некоторые нормативные акты

Правительству, а в его отсутствие, срок для приобретения статуса «принят» в случае проектов закона либо «обязателен» в случае программы или заявления общеполитического характера.

Третий этап относится к **возможности внесения предложения о выражении недоверия**. Конституционный суд отметил, что выражение недоверия является основным инструментом осуществления парламентского контроля в контексте принятия на себя ответственности Правительством. Конституция дает возможность Правительству принять на себя ответственность перед Парламентом при условии, что после представления решения о принятии ответственности на пленарном заседании Парламента депутаты имеют возможность внести предложение о выражении недоверия. Из ч. (2) статьи 106^1 Конституции исходит, что предложение о выражении недоверия вносится в течение трех дней после представления перед Парламентом программы, заявления общеполитического характера или проекта закона со стороны представителя Правительства. **Трехдневный срок для внесения предложения о выражении недоверия течет с момента представления на пленарном заседании Парламента проекта закона, за который Правительство приняло на себя ответственность** (ПКС № 25 от 29 октября 2019 года, § 62; ПКС № 28 от 22 декабря 2011 года, § 57). Следовательно, **если Правительство не представило *фактически* решение, по которому принимает на себя ответственность перед Парламентом, предложение о выражении недоверия не может быть внесено**. Так, данный этап полностью зависит от осуществления предыдущего этапа.

Для четвертого этапа Конституция предусматривает два сценария. Первый касается ситуации, когда **парламентарии внесли предложение о выражении недоверия и за него проголосовало большинство избранных депутатов**. В этом случае ч. (2) статьи 106^1 Конституции предусматривает, что Правительство уходит в отставку. Второй сценарий относится к ситуации, когда **предложение о выражении недоверия не было внесено либо оно провалилось по различным причинам.** В данном случае ч. (3) статьи 106^1 Конституции предусматривает, что представленный законопроект считается принятым, а программа или заявление общеполитического характера – обязательными для Правительства.

Конституционный суд указал, что **соблюдение конституционных процедур принятия на себя ответственности Правительством подразумевает последовательное выполнение вышеуказанных этапов**.

Конституционный суд отметил, что авторы обращений ссылаются на то, что в ходе принятия на себя ответственности Правительством за Закон № 56 от 2 апреля 2020 года не был соблюден второй этап, предусматривающий обязанность представления законопроекта перед Парламентом.

С одной стороны, Конституционный суд заключил, что Постановлением № 213 от 1 апреля 2020 года Правительство инициировало процедуру принятия на себя ответственности за проект закона. В тот же день проект закона был зарегистрирован в секретариате Парламента. В день созыва заседания Парламента Премьер-министр Республики Молдова находился в зале заседания законодательного органа и был готов представить законопроект депутатам. Так, Конституционный суд признал, что Правительство предприняло все необходимые меры **для представления проекта закона перед Парламентом**, в соответствии с требованиями ч. (1) статьи 106^1 Конституции.

С другой стороны, Конституционный суд отметил, что Парламент был созван на пленарное заседание, однако представление проекта закона представителем Правительства перед Парламентом стало невозможным, поскольку заседание не было правомочным.

В первую очередь, Конституционный суд отмечает, что Закон №56 от 2 апреля 2020 года был признан принятым Парламентом, даже если пленарное заседание Парламента от 2 апреля 2020 года не состоялось. Конституционный суд напоминает, что трехдневный срок, указанный в ч. (2) статьи 106^1 Конституции, **начинает течь со дня представления проекта закона перед Парламентом**. Этот срок установлен для внесения предложения о выражении недоверия и, соответственно, для приобретения проекта закона характера «принят» в случае, если в этот срок

не было внесено предложение о выражении недоверия. **Данный срок не начинает течь, кроме как после фактического представления проекта закона на пленарном заседании Парламента**. Следовательно, Парламент мог собраться на новое пленарное заседание, чтобы Правительство имело возможность представить законопроект. Конституционный суд отметил, что в данном случае, процедура принятия на себя ответственности не была проведена. Конституционный суд указал, что **отсутствие кворума составляет неудавшуюся попытку принятия на себя ответственности Правительством за проект закона перед Парламентом**.

Во-вторых, синтагма «перед Парламентом» в ч. (1) статьи 106^1 Конституции подразумевает, что проект закона, за который Правительство принимает на себя ответственность, обязательно представляется на пленарном заседании Парламента. В данном случае **законопроект, за который Правительство приняло на себя ответственность, не был представлен на пленарном заседании Парламента**. По этому вопросу, Конституционный суд обращается к своей практике, в которой отмечалось, что непредставление политического акта о принятии на себя ответственности на пленарном заседании не отвечает конституционным требованиям о принятии ответственности «перед» Парламентом (см. ПКС № 25 от 29 октября 2019 года, § 62; ПКС № 28 от 22 декабря 2011 года, § 56).

Конституционный суд отметил, что **Конституция не устанавливает никаких исключений из обязательного требования принятия ответственности за проект закона на пленарном заседании**. Проведение пленарного заседания является обязательным и в том случае, когда Парламент не находится на очередной сессии. Вне парламентских сессий процедура принятия на себя ответственности Правительством обусловлена созывом внеочередного или специального заседания (см. ПКС № 25 от 29 октября 2019 года, § 62; ПКС № 28 от 22 декабря 2011 года, § 57). Тем более обязательным является представление проекта закона на пленарном заседании, когда Парламент находится на очередной сессии. **Этот факт сохраняет свое действие и в ситуации объявления чрезвычайного положения**. Конституционный суд отметил, что Основной закон прямо запрещает, в ч. (4) статьи 85, в период чрезвычайного положения роспуск Парламента, что является **одной из конституционных гарантий парламентского контроля над исполнительной властью в чрезвычайных ситуациях**. По мнению Венецианской комиссии, Парламент осуществляет очень важный контроль за введением чрезвычайного положения, которое прекращается в случае роспуска Парламента (Заключение № 838/2016, CDL-AD(2016)006, § 64).

В-третьих, Конституционный суд отметил, что, **поскольку пленарное заседание не состоялось и Правительство было лишено возможности представить проект закона перед Парламентом, законодательный орган сделал невозможным внесение предложения о выражении недоверия в рамках этой исключительной процедуры**. Тем самым Парламент сделал невозможным осуществление парламентского контроля над процедурой принятия ответственности. Конституционный суд напомнил, что процедура принятия на себя ответственности Правительством не исключает и не может быть использована для исключения контроля со стороны Парламента путем внесения предложения о выражении недоверия (см. ПКС № 28 от 22 декабря 2011 года, § 58). Конституционный суд указал, что **возможность внесения предложения о выражении недоверия является основным инструментом осуществления парламентского контроля над принятием на себя ответственности Правительством, от которого Парламент не может отказаться, не предоставив Правительству возможности принять на себя ответственность на пленарном заседании**.

С учетом своей предыдущей практики, Конституционный суд подчеркнул, что принятие на себя ответственности Правительством не препятствует Парламенту в осуществлении своей роли, поскольку процедура возложения на себя ответственности Правительством осуществляется перед Парламентом и протекает под его наблюдением и контролем (ПКС № 25 от 29 октября 2019 года, § 63; ПКС № 5 от 2 марта 2016 года, § 29; ПКС № 11 от 13 мая 2015 года, § 56). **Согласиться с тем, что Правительство может принять на себя ответственность за проект**

закона по своему усмотрению, в любой момент и при любых обстоятельствах, равносильно превращению этого органа власти в законодательный публичный орган, сопоставимый Парламенту (ПКС № 25 от 29 октября 2019 года, § 58; ПКС № 11 от 13 мая 2015 года, § 57).

Конституционный суд пришел к выводу, что **Закон № 56 от 2 апреля 2020 года** об учреждении некоторых мер поддержки граждан и предпринимательской деятельности в период чрезвычайного положения и о внесении изменений в некоторые нормативные акты **был принят с нарушением конституционной процедуры и противоречит статьям 6 и 106[1] Конституции**.

8. ВНЕДРЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ДОСРОЧНЫХ ВЫБОРАХ

Конституционный суд 7 мая 2020 года вынес Постановление о толковании положений ст.72 ч .(3) п. а) Конституции[8].

Конституционный суд отметил, что решение, оказывающее предпочтение определенной избирательной системе, имеет важное значение в любом демократическом режиме, и поэтому политические силы должны ее принимать, не прибегая к взаимным политическим уступкам, **а в результате публичных консультаций, путем достижения широкого консенсуса**. Это решение должно быть результатом прозрачного процесса, приниматься при участии парламентских и внепарламентских партий, а также **представителей гражданского общества. Достижение консенсуса в выборе избирательной системы способствует одобрению, легитимности и устойчивости системы правления** (см. совместное заключение Венецианской комиссии и ОБСЕ CDL-AD(2017)012 от 15, 16-17 июня 2017 года об избирательной системе на парламентских выборах в Республике Молдова, § 36).

Согласно § 12 совместного заключения Венецианской комиссии и Совета по демократическим выборам ОБСЕ CDL-AD(2017)012 от 15, 16-17 июня 2017 года (избирательная система на парламентских выборах), если каким-либо образом меняются основные элементы законодательства о выборах, в том числе избирательная система, это должно происходить задолго до очередных выборов, в любом случае не позднее, чем за год до выборов. **Если после внесения изменений в избирательную систему проводятся досрочные выборы, данная система должна быть введена не ранее одного года с даты принятия изменений.**

Конституционный суд указал на необходимость пересмотра своего прежнего заключения, изложенного в Постановлении № 11 от 26 апреля 2019 года, о невозможности введения на досрочных парламентских выборах другой избирательной системы, чем та, по которой состоялись очередные парламентские выборы.

Конституционный суд отметил, что для обеспечения стабильности законодательства о выборах и предотвращения частых изменений в этой области необходимо соблюдать правило, в соответствии с которым при принятии Парламентом новой избирательной системы она может быть введена только в том случае, если **законодательное изменение было опубликовано в Официальном мониторе Республики Молдова не позднее, чем за год до выборов**, вне зависимости от вида выборов.

По смыслу ст. 72 ч. (3) п. а) Конституции и принимая во внимание международную практику в области выборов, временные рамки для внедрения и применения правил в области выборов не могут зависеть от вида выборов – парламентских, президентских или местных, очередных или досрочных, общих или частичных. Законодательные положения в области выборов должны быть ясными и предсказуемыми, по ним должен существовать широкий общественный консенсус. Изменения в этой области должны быть внесены заранее, чтобы обеспечить успешное применение в избирательном процессе и исключить нарушение права избирать и быть избранным.

[8] Постановление № 11 от 07.05.2020 о толковании положений ст. 72 ч. (3) п. а) Конституции

По смыслу ст. 72 ч. (3) п. a) Конституции, принимая во внимание исключительную компетенцию Парламента по регулированию органическим законом порядка организации и проведения выборов и рекомендуемые нормы международного сообщества при проведении выборов, положения, изменяющие основные элементы избирательного права, могут быть применены только в том случае, если они были опубликованы в Официальном мониторе Республики Молдова не позднее, чем за год до даты проведения выборов.

Смысловое значение положений ст. 72 ч. (3) п. a) Конституции не запрещает проведение досрочных парламентских выборов по правилам другой избирательной системы, чем та, по которой состоялись очередные парламентские выборы, если было соблюдено требование опубликования в Официальном мониторе Республики Молдова положений о подлежащей применению избирательной системе не позднее, чем за год до даты проведения выборов.

9. ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КРЕДИТА

Постановлением № 12 от 7 мая 2020 года Конституционный суд осуществил контроль конституционности Соглашения между Правительством Республики Молдова и Правительством Российской Федерации о предоставлении Правительству Республики Молдова государственного финансового кредита, Постановлений Правительства № 169 от 13 марта 2020 года и № 252 от 21 апреля 2020 года и Закона № 57 от 23 апреля 2020 года[9].

Конституционный суд отметил, что процедура заключения оспариваемого Соглашения имеет следующие недостатки: (i) Правительство не назначило и не уполномочило официальную делегацию для ведения переговоров по проекту Соглашения, (ii) переговоры были инициированы в отсутствие заключений парламентской Комиссии по внешней политике и европейской интеграции и Министерства юстиции о соответствии проекта Соглашения положениям Конституции Республики Молдова и внутреннему законодательству, (iii) подписание Соглашения было утверждено в отсутствие заключения парламентской Комиссии по внешней политике и европейской интеграции и (iv) Парламент ратифицировал Соглашение, не дожидаясь решения Конституционного суда по рассмотрению обращения о его конституционности.

Для **поддержания равновесия между властями в государстве** и **соблюдения принципа верховенства права**, Конституционный суд посчитал, что **Парламент должен был осуществить эффективный контроль за ведением переговоров и подписанием оспариваемого Соглашения, предусмотренный статьей 66 п. i) Конституции**. Поскольку **это условие не было соблюдено**, Конституционный суд установил, что **оспариваемое Соглашение было заключено с нарушением положений статей 1 ч. (3) и 66 п. i) Конституции**.

В то же время, Конституционный суд подчеркнул, что, поскольку законодательная власть Парламента и исполнительная власть Правительства осуществляется в интересах народа, будучи передана им в результате избрания и назначения, **предел усмотрения этих органов власти не является абсолютным**. Конституционный суд пришел к выводу, что некоторые положения Соглашения не являются ясными и предсказуемыми, порождают правовую неопределенность и противоречат национальным интересам Республики Молдова в области экономической деятельности, гарантированным статьями 1 ч. (3), 9, 126 ч. (2) п. b) и п. c) и 129 Конституции.

Конституционный суд признал неконституционными акты, составлявшие предмет конституционного контроля.

[9] Постановление № 12 от 07.05.2020 о контроле конституционности Соглашения между Правительством Республики Молдова и Правительством Российской Федерации о предоставлении Правительству Республики Молдова государственного финансового кредита, подписанного 17 апреля 2020 года, Постановлений Правительства № 169 от 13 марта 2020 года и № 252 от 21 апреля 2020 года и Закона № 57 от 23 апреля 2020 года

10. НАЗНАЧЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА И ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА

Конституционный суд 21 мая 2020 года проверил конституционность некоторых положений Закона № 3 от 25 февраля 2016 года о Прокуратуре, Постановления Парламента №101 от 30 июля 2019 года о выдвижении кандидатуры на должность временно исполняющего обязанности Генерального прокурора Республики Молдова и Указа Президента Республики Молдова № 1232-VIII от 31 июля 2019 года о назначении временно исполняющего обязанности Генерального прокурора[10].

В отношении нарушения конституционных полномочий Высшего совета прокуроров, органа, установленного в ст. 125 и ст. 125^1 Конституции, для последовательного анализа Конституционный суд выделил три категории вопросов: назначение временно исполняющего обязанности Генерального прокурора; предварительный отбор кандидатов на должность Генерального прокурора и освобождение Генерального прокурора от должности.

По вопросу назначения временно исполняющего обязанности Генерального прокурора Конституционный суд отметил, что временное исполнение обязанностей является решением, обеспечивающим в течение определенного периода времени осуществление должностных обязанностей другим лицом. Ранее Конституционный суд указал, что необходимость временного исполнения обязанностей состоит в преодолении возникшего положения, заключающегося в невозможности исполнения должности полномочным лицом, либо в предотвращении появления нарушений в деятельности этого органа (ПКС № 9 от 21 мая 2013 г., § 69).

Конституционный суд указал, что в Конституции нет такого понятия как «временно исполняющий обязанности Генерального прокурора», она не содержит положений, отражающих ситуацию возникновения вакансии данной должности. Парламент обладает полномочиями по регулированию законом вопросов, связанных с организацией и внутренней деятельностью Прокуратуры, которые не определены в Конституции, соблюдая при этом конституционные принципы.

Конституционный суд отметил, что, с одной стороны, согласно Закону о Прокуратуре, Совет имеет в распоряжении только три дня, чтобы предложить кандидатуру временно исполняющего обязанности Генерального прокурора, с другой стороны, Президент Республики Молдова, если не согласен с предложенной кандидатурой, может ее отклонить. С этого момента роль Совета обретает второстепенный характер, так как второе предложение уже вносит Парламент Республики Молдова.

В случае отклонения Президентом Республики Молдова кандидатуры, предложенной Высшим советом прокуроров, значительно занижается конституционная роль Совета, так как, согласно ч. (2^2) ст. 11 закона, прерогатива по предложению кандидатуры на должность временно исполняющего обязанности Генерального прокурора переходит к Парламенту, который является чисто политическим органом, а Совету оставлена роль согласовывающего органа.

Конституционный суд заключил, что установление чрезмерно короткого времени и перераспределение полномочий по выдвижению кандидатуры временно исполняющего обязанности Генерального прокурора, предусмотренные в ст. 11 ч. (2^1) и ч. (2^2) Закона о Прокуратуре, затрагивают возложенную на Высший совет прокуроров положениями ст. 125 и ст. 125^1 Конституции роль.

[10] Постановление № 13 от 21.05.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений Закона № 3 от 25 февраля 2016 года о Прокуратуре, Постановления Парламента № 101 от 30 июля 2019 года о выдвижении кандидатуры на должность временно исполняющего обязанности Генерального прокурора Республики Молдова и Указа Президента Республики Молдова № 1232-VIII от 31 июля 2019 года о назначении господина Думитру Робу временно исполняющим обязанности Генерального прокурора

В отношении предварительного отбора кандидатов на должность Генерального прокурора Конституционный суд отметил, что закрепление в Конституции процедуры назначения Генерального прокурора является гарантией его независимости и беспристрастного исполнения обязанностей, установленных Законом о Прокуратуре (ПКС № 8 от 20 мая 2013 г., §53).

Конституционный суд подчеркнул, что ст. 125 ч. (1) Конституции четко определяет субъекты, принимающие решение по назначению Генерального прокурора: Высший совет прокуроров и Президент Республики Молдова. Венецианская комиссия считает, что в отношении полномочий Высшего совета прокуроров в процессе назначения Генерального прокурора конституционные нормы скорее всего устанавливают строгое правило. Любое перераспределение полномочий в принятии решений, которое существенно затрагивает конституционные полномочия определенного органа, требует внесения конституционной поправки. В противном случае цель создания подобного органа на конституционном уровне не будет достигнута (см. Мнение *amicus curiae* № 972/2019 о поправках в Закон о Прокуратуре (CDL-AD(2019)034), §§ 22, 26).

Существенные изменения по предложению кандидатуры Генерального прокурора, внесенные в Закон о Прокуратуре, наводят на мысль, что Комиссия, учрежденная Министерством юстиции, обладает не только консультативными функциями. Высший совет прокуроров обязан сделать выбор в пользу одного из кандидатов, указанных в списке Комиссии. Поскольку Совет не вправе предложить кандидатуру, не включенную в список Комиссии, Конституционный суд может заключить, что Комиссия существенно затрагивает конституционные полномочия Высшего совета прокуроров.

На взгляд Венецианской комиссии, Конституция наделяет Парламент полномочиями по регулированию законом общих процедур, которых Высший совет прокуроров должен соблюдать. При этом, Конституция отводит Высшему совету прокуроров роль по составлению списка и определению кандидата, чтобы предложить его Президенту Республики для назначения, роль, которую Парламент не вправе узурпировать. Совет должен соблюдать закон, а законодатель не вправе превышать свою законодательную компетенцию, создавая препятствия в исполнении Высшим советом прокуроров своих конституционных полномочий (см. Мнение *amicus curiae* № 972/2019 о поправках в Закон о Прокуратуре (CDL-AD(2019)034), § 39).

На основании вышеизложенного, Конституционный суд пришел к выводу, что участие Комиссии, учрежденной Министерством юстиции, в процессе назначения Генерального прокурора в том порядке, как установлено в ст. 17 Закона о Прокуратуре, противоречит ст. 125 Конституции.

Согласно ст. 140 ч. (1) Конституции, законы и другие нормативные акты либо их части утрачивают силу с момента принятия Конституционным судом соответствующего решения. Ранее Конституционный суд отметил, что синтагма «с момента принятия решения» в приведенной конституционной норме относится к последствиям постановлений Конституционного суда *ex nunc*, а это означает, что они действуют на будущее (ПКС № 5 от 25 февраля 2020 г., § 141; ПКС №21 от 1 октября 2018 г., §§ 33 и 41).

Конституционный суд заключил, что вывод о неконституционности некоторых положений ст. 17 Закона о Прокуратуре не распространяется на уже состоявшуюся процедуру по назначению действующего Генерального прокурора и не применяется к отношениям, имеющим место до вступления в силу настоящего постановления.

По вопросу освобождения Генерального прокурора от должности Конституционный суд напомнил, что ст. 125 ч. (2) Конституции четко предусматривает органы, принимающие участие в вынесении решения об освобождении Генерального прокурора от должности. Ими являются Высший совет прокуроров и Президент Республики Молдова.

Конституционный суд подчеркнул, что, как и в случае отбора кандидатов на должность Генерального прокурора, затрагивается конституционная роль Высшего совета прокуроров. Наделение Комиссии полномочиями по оценке деятельности Генерального прокурора способно наносить ущерб цели гарантирования независимости и беспристрастности прокуроров, которую конституционный законодатель закрепил в ст. 125^{1} Конституции.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд *признал неконституционными* ст. 11 ч. (2^{1}) и ч. (2^{2}), ст. 17 ч. (2), ч. (3), ч. (5), ч. (6), ч. (7), ч. (8), ч. (9), ч. (9^{1}) и ч. (11^{1}) и ст. 58 ч. (7), ч. (8) и ч. (9) Закона № 3 от 25 февраля 2016 г. о Прокуратуре.

11. ВРЕМЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОД СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Конституционный суд 28 мая 2020 года вынес Постановление об исключительном случае неконституционности статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса[11].

Конституционный суд отметил, что меры пресечения являются институтами процессуального права, носят принудительный характер и направлены на обеспечение надлежащего осуществления уголовного процесса. Они касаются состояния свободы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого и ведут к лишению свободы либо ограничению свободы передвижения.

Конституционный суд указал, что, согласно ч. (5) статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса, временное освобождение под судебный контроль и временное освобождение под залог являются мерами пресечения, альтернативными аресту, и могут быть применены только к лицу, в отношении которого заявлено ходатайство об аресте, либо к обвиняемому, подсудимому, уже подвергнутым аресту.

Проанализировав ст. 176 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный суд отметил, что меры пресечения могут применяться прокурором по собственной инициативе или по предложению органа уголовного преследования либо, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанцией лишь в случае, если имеются достаточные, подтвержденные доказательствами разумные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый может скрыться от органа уголовного преследования или судебной инстанции, оказать давление на свидетелей, уничтожить либо повредить средства доказывания или другим способом воспрепятствовать установлению истины в уголовном процессе, совершить другие преступления, или что его освобождение повлечет нарушение общественного порядка.

Вместе с тем, Конституционный суд отметил, что, в соответствии с ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса, временное освобождение под судебный контроль не предоставляется обвиняемому, подсудимому в случае, если имеются сведения о том, что он может совершить другое преступление либо попытается оказать воздействие на свидетелей, или уничтожить средства доказывания, или скрыться от органов уголовного преследования, прокурора или, в зависимости от обстоятельств, судебной инстанции.

Конституционный суд заключил, что основания для применения временного освобождения под судебный контроль регулируются по-разному двумя положениями одного и того же нормативного акта. Это нормативное несоответствие создает правовую неопределенность и затрагивает право лица на свободу и личную неприкосновенность.

Конституционный суд подчеркнул, что, в отсутствие ясных критериев и условий применения меры пресечения временного освобождения под судебный контроль, закон не предоставляет достаточную защиту от произвольных вмешательств и не позволяет лицу определить свое поведение и с достаточной ясностью предвидеть применение мер пресечения.

Конституционный суд заключил, что положения ч. (2) статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса не проходят проверку на качество закона. Они противоречат статье

[11] Постановление № 15 от 28.05.2020 г. об исключительном случае неконституционности статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса

25 в сочетании со статьей 23 ч. (2) Конституции и, следовательно, являются неконституционными.

Конституционный суд отметил, что, хотя автор обращения не указал положения ч. (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса, они находятся в прямой взаимосвязи с оспариваемыми положениями.

В реализации принципа суверенности Конституционного суда в области конституционного контроля и принимая во внимание необходимость единообразного применения норм, касающихся мер пресечения, во внутреннем законодательстве в целом, на сновании статьи 6 ч. (3) Кодекса конституционной юрисдикции, Конституционный суд установил, что положения ч. (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающие решение, аналогичное оспариваемому, являются неконституционными.

Конституционный суд *признал неконституционными* часть (2) статьи 191 и часть (2) статьи 192 Уголовно-процессуального кодекса.

12. ВЫПЛАТА УПРАВЛЯЮЩЕМУ/ЛИКВИДАТОРУ ФИКСИРОВАННОГО ГОНОРАРА И ВОЗМЕЩЕНИЕ СОПУТСТВУЮЩИХ РАСХОДОВ, ВОЗЛАГАЕМЫХ В СОЛИДАРНОМ ПОРЯДКЕ НА РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ ДОЛЖНИКА

Конституционный суд 9 июня 2020 года вынес Постановление об исключительном случае неконституционности положений «покрываются солидарно членами руководящих органов, участниками, акционерами или членами должника» в ст. 32 ч. (2) и «возлагается [….] на руководящие органы должника» в ст. 70 ч. (13) Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года[12].

Конституционный суд отметил, что положения ст. 32 ч. (2) и ст. 70 ч. (13) Закона о несостоятельности устанавливают механизм по выплате фиксированного гонорара управляющему процессом несостоятельности или, в зависимости от случая, временному управляющему и по возмещению затрат только в том случае, когда несостоятельный должник не располагает имуществом или стоимость имущества не покрывает эти затраты.

Конституционный суд отметил, что из положения «возлагается в солидарном порядке определением судебной инстанции, рассматривающей дело о несостоятельности, на руководящие органы должника» в ч. (13) ст. 70 и положения «покрываются солидарно членами руководящих органов, участниками, акционерами или членами должника» в ч. (2) ст. 32 следует вывод, что обязанность по выплате фиксированного гонорара и возмещению реальных затрат возлагается на физических лиц. Данная обязанность не предполагает нанесение ущерба со стороны лиц, которые обязаны компенсировать эти расходы, не предполагает и последующее возмещение им этих расходов. Указанные лица обязаны выплачивать гонорар и возместить затраты управляющего процессом несостоятельности, если несостоятельный должник не располагает достаточным имуществом. Единственным основанием для наложения на них указанного бремени является исполнение определенной должности в руководящих органах несостоятельного должника в течение последних 24 месяцев, предшествовавших возбуждению процесса несостоятельности, или обладание статусом участника, акционера или члена несостоятельного должника.

Из положений закона следует, что вышеуказанные лица обязаны взять на себя расходы по выплате гонорара управляющего или ликвидатора и затрат, связанных с процессом несостоятельности, даже в том случае, если они не виновны.

Конституционный суд установил, что совершено вмешательство в право собственности вышеуказанных лиц.

[12] Постановление № 16 от 09.06.2020 г. об исключительном случае неконституционности ст. 70 ч. (3) и ч. (13) Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года

Конституционный суд отметил, что основной целью Закона о несостоятельности является удовлетворение требований кредиторов за счет имущества должника путем применения к нему процедуры реструктуризации или процедуры банкротства и распределения конечного продукта. Основная цель закона направлена на обеспечение стабильности и финансовой дисциплины в условиях рыночной экономики. Конституционный суд заметил, что законодатель поставил перед собой особую цель защитить право собственности управляющего, так как денежные средства, образующие его гонорар, являются имуществом. Поставленная цель способствует как реализации основной цели закона, так и реализации конституционных задач, направленных на достижение экономического благосостояния и защиту прав и свобод других лиц. Цели, установленные законом, соответствуют законным целям, допускаемым ст.54 Конституции.

Конституционный суд проанализировал, если существовали менее интрузивные меры и если законодатель мог принять такие меры, которые столь же эффективно достигали бы правомерные преследуемые цели и которые в меньшей мере ограничивали бы охраняемое основное право по сравнению с оспариваемыми мерами. Конституционный суд отметил, что не располагает заключением экспертов и не может точно определить, если практика других государств может способствовать реализации преследуемых правомерных целей более эффективно, чем оспариваемые положения.

Исходя из ст. 54 Конституции, Конституционный суд указал, что в этом случае существует конфликт принципов. Одним из принципов является право собственности членов руководящих органов. Другие, противоположные принципы составляют: право собственности управляющего процессом несостоятельности/ликвидатора, у которого имеются ожидания, связанные с получением гонорара и возмещением сопутствующих расходов, право собственности кредиторов и интерес экономического благосостояния страны.

Закон о несостоятельности устанавливает презумпцию виновности членов руководящих органов, возлагая на них выплату вознаграждения для управляющего процессом несостоятельности или ликвидатора и возмещение затрат, связанных с процессом несостоятельности и ликвидацией предприятия. Из положений закона, анализируемых Конституционным судом, ясно следует, что эта презумпция не может быть устранена.

Конституционный суд указал, что равновесие между принципами не подразумевает для лиц существование индивидуального и чрезмерного бремени. Лица должны иметь в распоряжении эффективные и надлежащие гарантии от злоупотреблений (*e.g.,* некоторые члены руководящих органов не должны нести материальную ответственность, выплачивая гонорар и затраты управляющего или ликвидатора, если несостоятельность предприятия наступила по вине других членов руководящих органов). Даже если ущемленные лица – члены руководящих органов, участники, акционеры или члены должника – имеют возможность доказать отсутствие своей вины в судебных процессах, оспариваемые положения не освобождают их от обязанности по выплате гонорара и соответствующих затрат. Конституционный суд подчеркнул, что, безусловно, такие суровые меры неблагоприятно отражаются на право собственности этих лиц. В этом плане их право собственности недостаточно гарантируется.

Конституционный суд отметил, что члены руководящих органов должника образуют обширную категорию лиц, однако не все перечисленные законом должности, отнесенные к категории членов руководящих органов должника, играют равнозначную и решающую роль в управлении предприятием. Конституционный суд указал на негативные последствия оспариваемых положений для членов руководящих органов неплатежеспособного общества, которые без наличия какой-либо вины обязаны выплатить управляющему процессом несостоятельности/ликвидатору фиксированный гонорар и возместить его затраты.

Статья 248 ч. (1) закона предусматривает, что «если в рамках процесса были выявлены лица, ответственные за наступление положения несостоятельности должника, по заявлению

управляющего процессом несостоятельности/ликвидатора судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, может принять решение о возложении части долгов должника, ставшего несостоятельным, на членов его руководящих органов». Конституционный суд указал, что принцип справедливого равновесия требует, чтобы установленный в ст. 248 закона при реализации основной цели закона критерий виновности членов руководящих органов в наступлении положения несостоятельности должника применялся и в реализации особой цели, заключающейся в выплате гонорара управляющему/ликвидатору.

Конституционный суд *признал конституционными* положения «покрываются солидарно членами руководящих органов, участниками, акционерами или членами должника» в ст. 32 ч.(2) и «возлагается [….] на руководящие органы должника» в ст. 70 ч. (13) Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года в той мере, в какой вина этих лиц в наступлении несостоятельности должника будет доказана.

13. ПОЛНОМОЧИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Конституционный суд 23 июня 2020 года вынес Постановление о контроле конституционности некоторых положений Закона № 212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и некоторых положений Постановления Парламента № 55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения[13].

Авторы обращений просили осуществить контроль конституционности некоторых положений Закона № 212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и Постановления Парламента № 55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения, считая, что оспариваемые положения не отвечают требованиям качества закона, предоставляют органам, ответственным за управление чрезвычайным положениям, неограниченные и не предусмотренные законом полномочия в случае объявления чрезвычайного, осадного или военного положения, допускают несоразмерное применение чрезвычайных мер, позволяют этим органам осуществлять как роль исполнителя закона, так и роль законодателя.

Конституционный суд изучил обращения в свете положений ст. 6, ст. 20, ст. 23, ст. 54, ст.60 и ст. 66 Конституции.

Чтобы выяснить, соответствуют ли оспариваемые положения конституционным стандартам, Конституционный суд рассмотрел их в следующих аспектах:

а) Являются ли оспариваемые положения ясными

Относительно соблюдения требования доступности закона, Конституционный суд отметил, что оспариваемые положения были опубликованы в Официальном Мониторе Республики Молдова. Так, оспариваемые положения доступны общественности, как предусматривает статья 23 Конституции.

Относительно соблюдения требования ясности закона, Конституционный суд отметил, что статья 2 пкт. 12) Постановления Парламента № 55 от 17 марта 2020 года предусматривает, что данные меры могут осуществляться «только для предупреждения, смягчения и ликвидации последствий пандемии коронавируса (COVID-19)».

Вместе с тем, анализируя разнообразие чрезвычайных ситуаций, которые могут возникнуть, Конституционный суд отметил, что использование законодателем таких синтагм, как «осуществление иных необходимых мер», «осуществление иных необходимых

[13] Постановление № 17 от 23.06.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений Закона № 212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и некоторых положений Постановления Парламента № 55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения

полномочий» или «выполнение других необходимых действий», является неизбежным в этой области.

Для быстрого реагирования на разнообразие чрезвычайных ситуаций, которые могут поставить страну под угрозу, органы, ответственные за управление чрезвычайным положением, должны иметь возможность проявлять гибкость. Использование жестких формулировок либо исчерпывающее описание мер может ограничить способность исполнительной власти действовать в возникшей чрезвычайной ситуации. Так, **в контексте чрезвычайного положения, гибкое регулирование мер, которые могут быть предприняты властями для разрешения чрезвычайного положения, является приемлемым и необходимым**.

b) Предоставляют ли оспариваемые положения чрезмерные полномочия исполнительной власти в контексте чрезвычайного положения

Конституционный суд отметил, что Конституция не содержит подробных деталей о чрезвычайном положении. Высший закон предусматривает, что Парламент объявляет чрезвычайное, осадное и военное положение, что режим чрезвычайного, осадного и военного положения регулируется органическим законом, что в этот период Конституция не может быть пересмотрена и Парламент не может быть распущен. Так, Конституция прямо не предусматривает, что должно следовать после объявления чрезвычайного положения, какая ветвь власти ответственна за управление чрезвычайным положением или какова роль Парламента, Президента Республики и Правительства в этот период. Конституция также не предусматривает, что во время чрезвычайного, осадного или военного положения увеличиваются полномочия одной из властей и снижаются полномочия другой власти.

Поскольку Конституция не устанавливает прямых исключений, Конституционный суд отметил, что как в ординарных ситуациях, так и во время чрезвычайного, осадного или военного положения равновесие между ветвями власти должно быть одинаковым. **Конституционный строй Республики Молдова, основанный на принципе разделения и взаимодействия властей в государстве и на четком разделении полномочий государственных органов, участвующих в осуществлении государственной власти, не должен меняться из-за объявления чрезвычайного положения**. Даже в таких исключительных обстоятельствах Конституция не допускает каких-либо отступлений от этого порядка, а тем более не допускает концентрацию государственной власти в руках одной ветви власти. Это положение было установлено конституционным законодателем для предотвращения возникновения диктатуры, учитывая историческое прошлое страны, а также то, что большинство злоупотреблений совершаются на фоне чрезвычайных ситуаций.

При этом Конституция не запрещает Парламенту предоставлять дополнительные полномочия Правительству в рамках конституционных положений для преодоления чрезвычайной ситуации. В то же время, во избежание злоупотреблений необходимо установить определенные гарантии, которые смогли бы сохранить равновесие между ветвями государственной власти, с одной стороны, и обеспечить безопасность государства, с другой стороны.

Чтобы установить, предоставил ли Парламент оспариваемыми положениями чрезмерные полномочия Правительству, Конституционный суд рассмотрел следующие вопросы: (i) ограничены ли во времени полномочия Правительства; (ii) имеют ли полномочия Правительства ограниченную область применения; (iii) предусматривает ли закон систему парламентского контроля и (iv) подлежат ли обжалованию чрезвычайные меры Правительства.

(i) Ограничены ли во времени полномочия Правительства

Конституционный суд отметил, что ст. 18 Закона о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения предусматривает, что чрезвычайное положение может быть введено на

срок не более 60 дней и, в зависимости от развития ситуации, срок его действия может быть продлен или сокращен Парламентом по ходатайству Президента Республики или Правительства. Закон предусматривает, что после отмены чрезвычайного, осадного или военного положения нормативные акты, принятые на этот период, признаются утратившими силу без специального сообщения об этом [ч. (3) статьи 4 закона]. 103. Таким образом, **полномочия, установленные оспариваемыми положениями, ограничены во времени**.

(ii) Имеют ли полномочия Правительства ограниченную область применения

Конституционный суд отметил, что Парламент предоставил расширенные полномочия органам, ответственным за управление чрезвычайным положением.

Органы, ответственные за управление чрезвычайным положением, по своей природе относятся к исполнительной власти. Так, несмотря на то, что законодатель в описании мер, которые могут быть приняты этими органами, использовал гибкие формулировки, Конституционный суд отмечает, что эти меры не могут выходить за рамки полномочий исполнительной власти, поскольку единственными полномочиями, которыми их наделил Парламент, являются исполнительные. **Оспариваемые тексты закона не содержат положений, которые наделяли бы эти органы полномочиями законодательной власти, то есть принимать, изменять или отменять законы**.

Парламент, согласно положениям ч. (1) статьи 60 Конституции, во всех ситуациях остается высшим представительным органом народа Республики Молдова и единственной законодательной властью государства. Парламент не может отказаться от своего конституционного статуса в случае чрезвычайного положения, и никакой другой орган не может изменить этот статус Парламента, иначе это расценивалось бы как посягательство на суверенитет народа.

Если органы, ответственные за управление чрезвычайным положением, считают необходимым принятие какого-либо закона для преодоления неизбежной опасности, Конституция предоставляет им несколько альтернатив. Они могут ходатайствовать о применении исключительных процедур законотворчества, предусмотренных Конституцией, а именно – просить Правительство принять на себя ответственность за проект закона [статья 106^{1}] или просить Парламент уполномочить Правительство издавать ордонансы в областях, не являющихся предметом органических законов [статья 106^{2}]. Кроме того, представленные Правительством проекты закона, а также одобренные им законодательные инициативы депутатов рассматриваются Парламентом, в том числе в срочном порядке, в соответствии с установленными Правительством порядком и приоритетами [ч. (3) статьи 74].

Следовательно, **дополнительные полномочия органов, ответственных за управление чрезвычайным положением, строго ограничены причинами и задачами, стоящими в основе объявления чрезвычайного положения, и не могут превышать полномочия публичных органов, определенных Конституцией**.

С учетом того, что **оспариваемые положения могут быть применены только в пределах полномочий исполнительной власти** и обусловлены причинами и задачами, стоящими в основе объявления чрезвычайного положения, Конституционный суд заключил, что они **имеют ограниченную, конкретную и строго функциональную область применения**.

(iii) Предусматривает ли закон систему парламентского контроля

По мнению Венецианской комиссии, парламентский контроль решений и действий чрезвычайных органов и установление особого порядка осуществления такого контроля имеют важное значение для реализации принципа правового государства и демократии.

В этом контексте, Конституционный суд отметил, что Закон о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения устанавливает лишь то, что Парламент объявляет [ч. (1) статьи 12], может продлить [статья 15] и отменить чрезвычайное положение [ч. (1) и ч. (2) статьи 16].

Конституционный суд подчеркнул, что цель любого парламентского контроля состоит в проверке актов и деятельности представителей исполнительной власти с точки зрения соответствия закону, соблюдения прав и свобод человека, а также соответствия всеобщим интересам.

Вышеуказанный закон не устанавливает достаточных механизмов, позволяющих Парламенту проверять действия органов, ответственных за управление чрезвычайным положением, на соответствие закону. В связи с этим, Конституционный суд отмечает, что **парламентский контроль необходим для восстановления равновесия между государственными властями в результате предоставления расширенных полномочий Правительству и для обеспечения соблюдения принципа верховенства права**.

Что касается отсутствия эффективного парламентского контроля, Конституционный суд отметил, что Конституция не обязывает законодателя регулировать данный механизм по определенному образцу. В связи с этим, Конституционный суд направил Парламенту представление в целях создания механизма эффективного парламентского контроля мер, принимаемых исполнительной властью в период чрезвычайного положения.

(iv) Подлежат ли обжалованию чрезвычайные меры Правительства

Конституционный суд напомнил, что, совместно с Парламентом, судебная система играет решающую роль в вопросе контроля полномочий исполнительной власти в период чрезвычайного положения, а судьи общей юрисдикции проверяют законность конкретных чрезвычайных мер. Судебная система и в этих ситуациях должна обеспечивать право на справедливое судебное разбирательство, а граждане должны пользоваться правом на эффективную защиту в случае нарушения чрезвычайными мерами их основных прав со стороны публичных органов.

Конституционный суд отметил, что в ст. 225 ч. (3) Административного кодекса законодатель установил, что обращение в судебную инстанцию допустимо для осуществления судебного контроля следующих обстоятельств: a) наличие чрезвычайной ситуации на день издания акта; b) компетенция органа публичной власти, издавшего акт; c) наличие общественного интереса, оправдывающего издание административного акта; d) отсутствие у органа публичной власти реальной возможности издать акт в обычном порядке.

Конституционный суд заключил, что чрезвычайные меры органов, ответственных за управление чрезвычайным положением, могут быть обжалованы в суд. С другой стороны, данная статья **не позволяет судьям рассматривать, являются ли оспариваемые меры «строго определены требованиями чрезвычайной ситуации», то есть – если они соразмерны**.

Таким образом, контроль, осуществление которого налагается на судебные инстанции, в соответствии с положениями ч. (3) статьи 225 кодекса, в области обжалования чрезвычайных мер, **не является достаточным и не обеспечивает его осуществление судом, наделенным «полной юрисдикцией», как того требует статья 20 Конституции**.

c) Являются ли оспариваемые положения соразмерными преследуемой законной цели

В связи с анализом законодательных мер, имеющих очень широкое применение, принцип соразмерности требует наличия гарантий, которые могли бы компенсировать возможное злоупотребление оспариваемыми положениями. Во-первых, от злоупотреблений публичных органов, если таковые имеют место, должна существовать мера судебного контроля. Так, закон должен обеспечивать лицам, права которых нарушаются чрезвычайными мерами

исполнительной власти во время чрезвычайного положения, доступ к суду, обладающему «полной юрисдикцией».

Поскольку положения ч. (3) статьи 225 Административного кодекса не обеспечивают контроль судом, наделенным «полной юрисдикцией», Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения являются несоразмерными.

Конституционный суд признал конституционными оспариваемые положения Закона №212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и синтагму «других действий, необходимых» в статье 2 пкт. 12) Постановления Парламента №55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения в той мере, в которой:

(a) органы, ответственные за управление чрезвычайным положением, осуществляют полномочия, меры или действия, необходимые только для реализации целей, ставших основанием для объявления чрезвычайного положения;

b) необходимые полномочия, меры или действия не выходят за рамки компетенции исполнительной власти и

c) Парламент может осуществлять эффективный контроль данных мер.

Конституционный суд признал неконституционной ч. (3) статьи 225 Административного кодекса в части, ограничивающей полномочия судебной инстанции по осуществлению контроля соразмерности мер, принятых органами публичной власти.

Конституционный суд отметил, что до внесения Парламентом изменений в Административный кодекс, в случае обжалования мер, принимаемых органами, ответственными за управление чрезвычайным положением, судебные инстанции рассматривают также, является ли принятая органом публичной власти мера соразмерной определившей ее ситуации.

14. НЕСОБЛЮДЕНИЕ МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И/ИЛИ БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ, ЕСЛИ ЭТО ПОСТАВИЛО ПОД УГРОЗУ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ

Постановлением от 30 июня 2020 года Конституционный суд проверил конституционность ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях[14].

Конституционный суд подверг анализу обращения через призму ст. 20, ст. 22 и ст. 46 в сочетании со ст. 1 ч. (3), ст. 23 ч. (2) и ст. 54 ч. (2) Конституции.

Анализ оспариваемых положений на соответствие стандартам Конституции проводился по двум аспектам: a) соблюдение требований качества закона и b) соблюдение принципа индивидуализации наказания, предусмотренного ст. 76^1 ч. (1) Административного кодекса.

a) Соблюдение требований качества закона

В отношении требования предсказуемости Конституционный суд подчеркнул, что ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях является отсылочной нормой. Она не может быть рассмотрена в отрыве от других применяемых нормативных актов.

Конституционный суд указал, что меры по профилактике, предупреждению и/или борьбе с эпидемическими заболеваниями изложены в других нормативных актах. Эти меры могут быть введены в случае распространения многих эпидемических заболеваний, в том числе в случае коронавирусной пандемии (COVID-19).

Конституционный суд подчеркнул, что, согласно ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях, для того, чтобы привлечь лицо к ответственности за правонарушение, его поступок должен создавать угрозу для общественного здоровья и проявляться в несоблюдении мер по профилактике, предупреждению и/или борьбе с эпидемическими заболеваниями. В этой связи, Конституционный суд отметил, что **констатирующие субъекты обязаны доказывать,**

[14] Постановление № 18 от 30.06.2020 г. о контроле конституционности ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях

а судебные инстанции – проверять в каждом частном случае, какие действия или бездействие лица поставили под угрозу общественное здоровье.

Конституционный суд отметил, что, согласно ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях, **создание угрозы для общественного здоровья является условием *sine qua non* для совершения правонарушения**. Отсутствие угрозы для общественного здоровья определяет отсутствие объективного элемента состава правонарушения.

Таким образом, **предложение «несоблюдение мер по профилактике, предупреждению и/или борьбе с эпидемическими заболеваниями, если это поставило под угрозу общественное здоровье», содержащееся в ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях, является доступным и предсказуемым** с точки зрения принципа уголовной законности (*nullum crimen, nulla poena sine lege*),

b) Соблюдение принципа индивидуализации наказания, предусмотренного ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях

Конституционный суд подчеркнул, что законодатель не может установить наказание и при этом лишить суд возможности индивидуализировать наказание в зависимости от обстоятельств дела. Конституционный суд подчеркнул, что ограничение роли судебной инстанции лишает гарантии предусмотренного в ст. 20 Конституции и ст. 6 Европейской конвенции права на справедливое судебное разбирательство своей сущности.

В этой связи, Конституционный суд отметил, что не только неизменяемое наказание, установленное законодателем, но и **относительно небольшая разница между минимальным и максимальным пределом наказания могут, в зависимости от деяния и многообразия существующих способов ее совершения, нарушить право на справедливое судебное разбирательство, ограничивая полномочия судебной инстанции по осуществлению полноценного судебного контроля в отношении индивидуализации и целесообразности наказания**.

Конституционный суд заключил, что в случае физического лица разница между минимальным пределом в 450 условных единиц и максимальным пределом в 500 условных единиц не позволяет судебной инстанции оценивать соразмерность наказания, исходя из характера правонарушения и обстоятельств дела, с тем, чтобы обеспечивать справедливое равновесие между целью и средствами закона о правонарушениях, и чтобы используемые средства не ограничивали права лица в большей степени, чем это необходимо для достижения указанных целей.

Наряду с этим, Конституционный суд отметил, что для юридических лиц штраф варьирует от 1000 до 1500 условных единиц. В этом случае разница между минимальным и максимальным пределом составляет 500 условных единиц, что позволяет судебной инстанции наложить штрафы с учетом конкретных обстоятельств и в зависимости от характера правонарушения. При этом Конституционный суд отметил, что способы совершения деяния юридическими лицами не могут быть такими разнообразными, как в случае физического лица.

Конституционный суд признал цифру **«от 450» в ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях неконституционной**.

Конституционный суд постановил, что в целях исполнения настоящего постановления и до внесения соответствующих изменений в законодательство к физическим лицам за несоблюдение мер по профилактике, предупреждению и/или борьбе с эпидемическими заболеваниями, если это поставило под угрозу общественное здоровье, применяется штраф, варьирующий от минимального предела, установленного в ст. 34 ч. (2) Кодекса о правонарушениях, до максимального предела, установленного в ст. 76^1 ч. (1) Кодекса о правонарушениях, который составляет 500 условных единиц.

15. Возможность роспуска Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента страны и возможность проведения парламентских и президентских выборов в тот же период

Постановлением от 7 июля 2020 года Конституционный суд дал толкование некоторых статей Конституции[15] и разъяснил следующие вопросы:

(1) Допускает ли Конституция роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики?

(2) Допускает ли Конституция роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики в случае, если в этот период Президент подает в отставку и возникают условия для роспуска Парламента?

(3) Допускает ли Конституция проведение парламентских и президентских выборов (очередных или досрочных) в тот же период?

(4) Допускает ли Конституция проведение двух избирательных кампаний одновременно в один и тот же период?

(5) Каков порядок организации досрочных парламентских выборов и президентских выборов в один и тот же период?

I. О том, допускает ли Конституция роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики

Конституционный суд подчеркнул, что в Постановлении № 29 от 24 ноября 2015 года толкование было дано только для случая, когда Президент Республики избирался Парламентом, и оно в настоящее время недействительно, поскольку Президент Республики избирается народом.

Неизменность этого запрета объясняется и тем, что предусмотренная в статье 6 Конституции идея о разделении ветвей власти предполагает, что избираемые народом публичные власти должны создаваться таким образом, чтобы не допустить их уравнивания. В результате, было предложено решение разграничения по времени парламентской и президентской избирательных кампаний.

Конституционный суд указал, что **Высший закон в прямой и абсолютной форме запрещает роспуск Парламента в последние шесть месяцев срока полномочий Президента Республики** и **не предусматривает никаких исключений из этого запрета**.

Более того, **роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики Молдова запрещен при любых обстоятельствах**.

II. О том, допускает ли Конституция роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики в случае, если в этот период Президент подает в отставку и возникают условия для роспуска Парламента

Конституционный суд отметил, что Президент Республики вправе уйти в отставку, если сочтет необходимым, а его решение носит абсолютный характер и расценивается как «волевое и субъективное» обстоятельство, возникшее по его собственной инициативе. Президента нельзя обязать к исполнению полномочий против его воли. Если он отказывается от исполнения полномочий, его обязанности возлагаются, в соответствии с положениями статьи 91 Конституции, на Председателя Парламента или Премьер-министра в указанной последовательности.

Предусмотренный ч. (4) статьи 85 Конституции запрет действует независимо от того, что в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики эта должность

[15] Постановление № 19 от 07.07.2020 г. о толковании статей 2 ч. (1), 38, 61 ч. (1) и ч. (3), 78, 85 ч. (1), ч. (2) и ч. (4), 90 ч. (1), ч. (2) и ч. (4) Конституции

осуществляется избранным Президентом либо лицами, обеспечивающими конституционное исполнение его обязанностей в соответствующий период.

Таким образом, **Конституция не допускает роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики в случае, если в этот период Президент подает в отставку и возникают условия для роспуска Парламента**.

III. О том, допускает ли Конституция проведение парламентских и президентских выборов (очередных или досрочных) в тот же период

Конституционный суд отметил, что Конституция запрещает создание ситуаций, в которых избираемые народом государственные структуры были бы лишены непрерывности, что разделение властей предполагает создание избираемых народом публичных властей таким образом, чтобы не допустить их уравнивания, что ведет к запрету параллельного проведения парламентских и президентских выборов. Конституционный суд отмечает, что в случае одновременной организации президентских и парламентских выборов (очередных или досрочных) эти требования не были бы соблюдены.

Конституционный суд заключил, что **Конституция не допускает проведение парламентских и президентских выборов (очередных или досрочных) в тот же период**.

IV. О том, допускает ли Конституция проведение двух избирательных кампаний одновременно в один и тот же период

Конституционный суд отметил, что единственный запрет на одновременную организацию двух избирательных кампаний касается ситуации проведения парламентских и президентских выборов (очередных или досрочных) в один и тот же период. Это вытекает из ч. (4) статьи 85 Конституции, запрещающей роспуск Парламента в последние шесть месяцев до истечения срока полномочий Президента Республики. Относительно проведения других избирательных процессов в один и тот же день (например, парламентских и местных либо президентских и местных), Конституционный суд отметил, что Конституция не содержит положений, запрещающих это.

Таким образом, **Конституция допускает одновременную организацию двух избирательных процессов в один и тот же период, за исключением проведения парламентских и президентских выборов (очередных или досрочных)**.

V. О порядке организации досрочных парламентских выборов и президентских выборов в один и тот же период

По этому вопросу Конституционный суд отметил, что автор обращения адресовал его Конституционному суду не потому, что ему неясен текст Конституции, а скорее для получения юридической консультации. Конституция не наделяет Конституционный суд подобными полномочиями. Следовательно, в этой части обращение подлежит отклонению как неприемлемое.

16. ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

Конституционный суд 9 июля 2020 года вынес Постановление о толковании положений ст.134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции[16].

Авторы обращений просили Конституционный суд пояснить следующие вопросы путем интерпретации конституционных норм:

(1) Распространяются ли окончательный характер и неоспариваемость решений Конституционного суда, предусмотренные в ст. 140 ч. (2) Конституции, на все решения,

[16] Постановление № 20 от 09.07.2020 г. о толковании положений ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции

вынесенные Конституционным судом в осуществление своих полномочий, установленных в Конституции?

(2) Подлежат ли обжалованию постановления Конституционного суда об избрании и/или освобождении от должности Председателя Конституционного суда?

I. О том, если окончательный характер и неоспариваемость решений Конституционного суда, предусмотренные в ст. 140 ч. (2) Конституции, распространяются на все решения, вынесенные Конституционным судом в осуществление своих полномочий, установленных в Конституции

Конституционный законодатель в ст. 140 ч. (2) Конституции присвоил одинаковый конституционный статус всем решениям пленума Конституционного суда по вопросам, отнесенным Конституцией к его исключительной компетенции, а именно, что они «окончательны и обжалованию не подлежат».

Конституционный суд подчеркнул, что органы публичной власти, в том числе судебные инстанции в административном судопроизводстве, не могут проверять решения, вынесенные Конституционным судом в осуществление своих исключительных полномочий, ни с точки зрения конституционности, ни с точки зрения законности. Конституция не наделяет других органов публичной власти полномочием рассматривать решение Конституционного суда и признавать его неконституционным или незаконным.

Допустить возможность обжалования в административный суд решений, принятых Конституционным судом при осуществлении полномочий, четко предусмотренных Конституцией, означает позволить прямое вмешательство судебной власти в разрешении вопросов, связанных с функциональностью Конституционного суда, и тем самым нарушить принципы верховенства Конституции и разделения государственной власти, реализацию которых Конституционный суд должен обеспечивать. Судебный контроль решений органа конституционной юрисдикции может подорвать роль стража Конституции и независимость Конституционного суда, как органа, подчиняющегося только Высшему закону.

Возможность контроля над гарантом верховенства Конституции со стороны других государственных органов превращает конституционный статус единственного органа конституционной юрисдикции в иллюзорный институт и фикцию.

Конституционный суд указал, что единственным инструментом, позволяющим проверять и менять решения Конституционного суда, является их пересмотр, осуществляемый исключительно Конституционным судом. Конституционный суд отметил, что наделение Конституционного суда полномочием производить контроль собственных решений и процедур составляет ключевой элемент его независимости.

В видении Венецианской комиссии, является важным, чтобы единственно Конституционный суд осуществлял пересмотр своих решений. Никакой другой орган публичной власти не может быть наделен этим полномочием. Наделение другого органа публичной власти полномочием по пересмотру конституционности или законности решения Конституционного суда подрывает независимость Конституционного суда.

Конституционный суд подчеркнул, что любое решение Конституционного суда (постановление, заключение, определение), вынесенное в связи с осуществлением полномочия, четко предусмотренного Конституцией, является окончательным и не подлежит обжалованию, как устанавливает ст. 140 ч. (2) Конституции.

II. О том, если постановления Конституционного суда об избрании и/или освобождении от должности Председателя Конституционного суда подлежат обжалованию

Конституционный суд отметил, что избрание и освобождение от должности Председателя Конституционного суда составляет полномочие Конституционного суда конституционного

уровня. Наличие в Конституции четкой нормы об избрании Председателя Конституционного суда, которая разумно охватывает и освобождение его от должности, придает данным процедурам строго конституционный характер.

Конституционный суд подчеркнул, что данное полномочие относится к функциональной автономии Конституционного суда, которая вытекает из конституционных гарантий его независимости. Конституционный суд отметил, что решения об избрании или освобождении от должности Председателя Конституционного суда принимаются в силу права Конституционного суда на самоуправление, в осуществление своих полномочий, четко предусмотренных Конституцией. Отношения между Конституционным судом и его Председателем носят исключительно конституционно-правовой характер.

Должность Председателя Конституционного суд означает быть первым среди равных (*primus inter pares)* и осуществляется, не предполагая каких-либо преимуществ в исполнении судебных обязанностей по отношению к другим судьям Конституционного суда. В действительности деятельностью Конституционного суда руководит пленум Конституционного суда.

Конституционный суд подчеркнул, что ни один орган государственной власти, включая судебные инстанции, не может заменить конституционных судей, когда они тайным голосованием избирают Председателя Конституционного суда. Председателя Конституционного суда избирают судьи, которые находятся в равных отношениях друг к другу, являются независимыми в выражении своего выбора. Председатель Конституционного суда не назначается органом публичной власти и тем самым обеспечивается функциональная автономия Конституционного суда. Поэтому абсолютно индивидуальный выбор судей Конституционного суда, выраженный путем тайного голосования в целях исполнения установленного Конституцией полномочия, не может быть оспорен.

Таким образом, постановления Конституционного суда об избрании и освобождении от должности Председателя Конституционного суда не могут быть обжалованы в судебные инстанции.

17. ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ ПОКИДАТЬ ТЕРРИТОРИЮ СТРАНЫ ИЛИ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА В ПРОЦЕССАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Конституционный суд 4 августа 2020 года вынес Постановление об исключительном случае неконституционности относительно упущения определения максимального срока, на который лицо обязано не покидать территорию страны или место пребывания, согласно ст. 84 Закона о несостоятельности[17].

Согласно положениям Закона о несостоятельности, «после возбуждения процедуры несостоятельности судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, по своей инициативе или по требованию управляющего/ликвидатора может обязать должника или представителя его руководящих органов не покидать территорию Республики Молдова без специального разрешения судебной инстанции, если существуют доказательства того, что должник может скрыться или уклониться от участия в процедуре» [ст. 84 ч. (1) Закона о несостоятельности], а также в случае уклонения должника от выполнения обязанностей, предусмотренных законом, судебная инстанция, рассматривающая дело о несостоятельности, по требованию управляющего, собрания кредиторов или комитета кредиторов либо по собственной инициативе может запретить должнику «покидать пункт своего места пребывания без специального разрешения судебной инстанции» [ст. 84 ч. (2) Закон о несостоятельности]. Таким образом, в случае невыполнения должником обязанностей и/или полномочий, предусмотренных законом, судебная инстанция может запретить должнику–физическое лицо или представителю должника–юридического лица покидать территорию страны и пункт своего места пребывания.

[17] Постановление № 21 от 04.08.2020 г. об исключительном случае неконституционности ст. 84 Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года

Законодатель установил, что мера, запрещающая лицу покидать территорию Республики Молдова или пункт своего места пребывания, распространяется «на весь ход процесса несостоятельности, если судебной инстанцией, рассматривающей дело о несостоятельности, не установлено иное» [ст. 84 ч. (3) Закона о несостоятельности]. Конституционный суд отметил, что вышеуказанная норма не устанавливает ограничения касательно срока применения меры, запрещающей лицу покидать территорию страны или место своего пребывания, притом, что процессы несостоятельности, в зависимости от использованной процедуры (реструктуризация, банкротство и др.), от числа кредиторов, стоимости дебиторской массы и др., могут носить более или менее сложный характер и иметь различную продолжительность. Данное положение не содержит никаких критериев или требований, позволяющих судебной инстанции определить, а лицу знать на какой период времени налагается запрет.

Конституционный суд пришел к выводу, что ст. 84 ч. (3) Закона о несостоятельности не является в достаточной мере предсказуемой и не предоставляет лицам достаточные гарантии от произвольного вмешательства, как требует ст. 23 ч. (2) Конституции.

Конституционный суд отметил, что отсутствие нормы, определяющей максимальный срок наложения запрета, обязывающего лицо не покидать территорию страны и, соответственно, место пребывания, является законодательным упущением, противоречащим Конституции.

Выявив законодательный пробел, Конституционный суд, в качестве гаранта верховенства Конституции, решил не ограничиться констатацией неконституционности оспариваемой нормы, а предложил временное решение. Конституционный суд отметил, что ст. 64 Исполнительного кодекса предусматривает: «Запрет на выезд из страны на срок до 6 месяцев применяется судьей по представлению судебного исполнителя только тогда, когда присутствие должника необходимо для эффективного исполнения исполнительного документа, и только после принятия необходимых мер по обеспечению исполнения исполнительного документа с вменением при этом в обязанность судебного исполнителя осуществления периодического контроля необходимости сохранения данного запрета». В случае необходимости сохранения запрета на более длительный срок на основании мотивированного представления судебного исполнителя запрет может быть применен повторно, но не более трех раз в рамках одного исполнительного производства. Как и в случае процесса несостоятельности, исполнительное производство должно способствовать реализации прав кредиторов. Конституционный суд постановил, что до внесения изменений в ст. 84 Закона о несостоятельности и в целях установления практики, соответствующей Конституции, судебные инстанции, рассматривающие дела о несостоятельности, при наложении мер, которыми лицам запрещается покидать территорию страны или пункт своего места пребывания, будут применять сроки, установленные в ст. 64 Исполнительного кодекса.

18. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СУДЕБНЫМ ИНСТАНЦИЯМ И ОРГАНАМ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ

Предметом Постановления Конституционного суда от 6 августа 2020 года стали некоторые положения Налогового кодекса, в соответствии с которыми полученная налоговым органом информация предоставляется судебным инстанциям и органам уголовного преследования только с целью рассмотрения дел об уклонении от уплаты налога[18].

Конституционный суд подчеркнул, что статья 26 Конституции гарантирует право на защиту. Право на защиту подразумевает возможность каждого человека самостоятельно реагировать законными способами на нарушение своих прав и свобод. Конституционный суд указал, что право на защиту, как гарантия права на справедливое судебное разбирательство, включает в себя все процессуальные права и правила, которые дают лицу возможность

[18] Постановление № 22 от 06.08.2020 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 226^{16} ч. (11) Налогового кодекса, принятого Законом № 1163 от 24 апреля 1997 года

защититься от выдвинутых против него обвинений и обжаловать их, чтобы доказать свою невиновность. Следовательно, право на защиту должно быть обеспечено на протяжении всего уголовного процесса. По этому вопросу Европейский суд отметил, что при определении справедливого характера всего разбирательства следует учитывать, было ли соблюдено право на защиту. В частности, необходимо установить, если обвиняемому был предоставлен доступ к доказательствам и их сбору, которые он считал необходимыми для использования в свою защиту (см. *Rowe и Davis против Соединенного Королевства*, 16 февраля 2000 года, §60).

Так, Конституционный суд отметил, что, согласно конституционным и законодательным нормам, судебные органы обязаны принять все необходимые меры для осуществления эффективной защиты. В целях реализации права на защиту обвиняемому предоставляется возможность воспользоваться всеми средствами доказывания, которые могут оказаться решающими и обеспечить шансы на защиту. Таким образом, право лица на эффективную подготовку своей защиты неразрывно связано с правом доступа к доказательствам.

Конституционный суд подчеркнул, что отдельным вопросом в контексте обеспечения обвиняемому права на защиту является его доступ ко всем доказательствам, связанным с уголовным делом, в целях реализации своего права на защиту. Однако иногда государство вправе не разглашать некоторые моменты, тем самым обеспечивая соблюдение другого основного права, например, права на частную жизнь. Весомость сопутствующих прав определяется путем их оценки судами общей юрисдикции в зависимости от обстоятельств каждого случая в отдельности. Согласно положениям статьи 54 Конституции, любое законодательное ограничение права на защиту должно быть убедительно обосновано, преследуя законную цель. Эта цель должна быть соразмерна обстоятельствам ее определившим и не должна затрагивать существование данного права. Другими словами, при ограничении какого-либо права должно быть обеспечено справедливое равновесие между этим правом и законно преследуемой целью.

Конституционный суд отметил, что регулирование мер, присущих уголовному судопроизводству, должно соответствовать четкой и эффективной процедуре, предоставляющей доступ к средствам доказывания. Конституционный суд указал, что оспариваемые положения ч. (11) статьи 226^{16} Налогового кодекса, регламентирующие порядок декларирования и обеспечения конфиденциальности налоговой информации, предусматривают предоставление полученной налоговыми органами информации судебным инстанциям и органам уголовного преследования только в целях рассмотрения дел об уклонении от уплаты налогов и ни в каких других случаях. Кроме того, Конституционный суд отметил, что оспариваемые положения статьи 226^{16} Налогового кодекса запрещают доступ к информации, которая может привести к установлению личности, в частности, доступ к идентификационному коду, имени, фамилии, к наличию денежных средств и имущества лица.

Конституционный суд отметил, что законодатель придал бóльшую защиту праву на неприкосновенность частной жизни в ущерб праву на защиту. Конституционный суд подчеркнул, что оба права охраняются Конституцией – статьей 28 и, соответственно, статьей 26. Ни одно из этих прав не является абсолютным. Каждое из них может быть подвергнуто ограничениям, *inter alia*, в целях защиты прав других лиц, как предусматривает ч. (2) статьи 54 Конституции. Более того, Конституция Республики Молдова не устанавливает априорно иерархию между этими основными правами.

Установлением этих мер законодатель нарушил интересы лица по обеспечению эффективной защиты в уголовном процессе, выходящем за рамки налоговой области. Так, способ, в котором был изложен оспариваемый текст, не допускает оценки судьей общей юрисдикции смежных интересов.

Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения ч. (11) статьи 226^{16} Налогового кодекса противоречат статье 26 Конституции, поскольку не обеспечивают справедливое равновесие праву на защиту, в соответствии со статьей 54 Конституции.

19. РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ В РАМКАХ ПРОЦЕДУРЫ ВЫДВИЖЕНИЯ КАНДИДАТУРЫ НА ДОЛЖНОСТЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

Конституционный суд 6 августа 2020 года вынес Постановление о толковании статей 89, 91 и 98 ч. (1) Конституции[19].

Автор обращения просил Конституционный суд дать толкование статей 91 и 98 ч. (1) Конституции и разъяснить следующие вопросы:

(1) Имеет ли Президент Республики абсолютную дискреционную власть при выдвижении кандидата на должность Премьер-министра либо он обязан выдвинуть кандидата, предложенного парламентским большинством в ходе консультаций?

(2) Может ли быть применен механизм временного исполнения обязанностей Президента Республики, установленный Постановлением Конституционного суда № 28 от 17 октября 2017 года, в случае, если Президент отказывается выдвинуть на должность премьер-министра кандидата, предложенного парламентским большинством?

I. По вопросу о дискреционной власти Президента Республики при выдвижении кандидата на должность премьер-министра и о том, обязан ли он выдвинуть кандидата, предложенного парламентским большинством в ходе консультаций

Конституционный суд отметил, что этот вопрос был разъяснен в Постановлении Конституционного суда № 32 от 29 декабря 2015 года. В данном постановлении Конституционный суд отметил, что ч. (1) статьи 98 Конституции предусматривает исключительные полномочия Президента Республики по выдвижению кандидата на должность премьер-министра. В то же время, Конституционный суд отметил, что, несмотря на исключительность, данное право не может быть дискреционным, поскольку Президент выдвигает кандидатуру премьер-министра только после проведения консультаций с парламентскими фракциями. В процессе формирования и назначения Правительства голосование Парламента является существенным. Целью консультаций является выявление политической поддержки депутатами конкретного лица, способного сформировать Правительство, пользующееся доверием Парламента. При проведении консультаций важное значение играет то, чтобы будущий кандидат на должность премьер-министра заручился политической поддержкой Парламента. Конституционный суд также отметил, что Президент Республики при проведении консультаций вправе предложить собственную кандидатуру, которая может быть принята. Также возможно, что при проведении этих политических консультаций кандидатура, предложенная Президентом на должность премьер-министра, будет отклонена партнерами, с которыми он консультируется. В этом контексте, Конституционный суд отметил, что Президент не может подчинить себе партнеров по политическому диалогу. В этой роли Президент действует лишь как представитель государства, наделенный правом и обязанностью по выявлению пути к диалогу и оценке воли и способности депутатов поддержать конкретного кандидата в Парламенте. При выдвижении кандидатуры на должность премьер-министра Президент должен проявить свою беспристрастность и политическую нейтральность, как и равное отношение ко всем парламентским группам. У Президента нет конституционного права противопоставлять себя парламентским группам.

Конституционный суд подчеркнул, что Президент действует исключительно как представитель государства, который значимостью и официальностью своей должности, а также своим авторитетом способствует установлению и сохранению равновесия между Парламентом и будущим Правительством. Толкование Конституции в том смысле, что Президент страны обладает дискреционным правом выдвижения кандидата на должность премьер-министра,

[19] Постановление № 23 от 06.08.2020 г. о толковании статей 89, 91 и 98 ч. (1) Конституции

может спровоцировать институциональные конфликты, поскольку Президент Республики не может навязать Парламенту определенное лицо на должность премьер-министра.

Проанализировав значение каждой из двух публичных властей при формировании Правительства, Конституционный суд заключил, что, по сравнению с ролью Президента, роль Парламента является решающей. Конституционный суд отметил, что, согласно положениям ч. (1) статьи 60 Конституции, Парламент является высшим представительным органом народа Республики Молдова.

Конституционный суд отметил, что не существует никаких конституционных и демократических оснований для того, чтобы Президент Республики отказал в выдвижении на должность премьер-министра кандидата, пользующегося поддержкой парламентского большинства, даже если у него отличные от Президента взгляды.

В случае создания абсолютного парламентского большинства Президент Республики выдвигает кандидатуру, которую поддерживает это большинство. Только в случае невозможности создания абсолютного парламентского большинства Президент страны, после проведения консультаций с парламентскими фракциями, обязан выдвинуть кандидатуру на должность премьер-министра, даже если парламентские фракции не согласны с предложением Президента.

Осуществление Президентом Республики именно таким образом полномочий по выдвижению кандидата на должность премьер-министра, установленного ч. (1) ст. 98 Конституции, способно сохранить в парламентской республике равновесие во взаимоотношениях между Парламентом и Президентом на уровне, предусмотренном Конституцией.

Конституционный суд отметил, что порядок избрания Президента Республики (путем всеобщего, равного, прямого, тайного и независимого голосования либо Парламентом) ни в коей мере не затрагивает исполнение главой государства конституционных полномочий, регламентированных ч. (1) статьи 98 Конституции.

II. По вопросу о возможности установления временного исполнения обязанностей Президента Республики, в порядке Постановления Конституционного суда № 28 от 17 октября 2017 года, в случае отказа Президента выдвинуть кандидата на должность премьер-министра, предложенного парламентским большинством

Чтобы выяснить, применим ли к данному случаю механизм, предусмотренный в Постановлении № 28 от 17 октября 2017 года, Конституционный суд проанализировал, в первую очередь, поддерживает ли он сейчас свое решение. Конституционный суд решает эту задачу каждый раз, когда ему надлежит применить ранее принятое им решение. Таким образом Конституционный суд следит за тем, чтобы его практика была согласована и отвечала требованиям Конституции.

Анализируя Постановление № 28 от 17 октября 2017 года, Конституционный суд указал, что он применил институт временного исполнения обязанностей Президента Республики, регулируемый статьей 91 Конституции, в случае, когда Президент страны преднамеренно отказал, по субъективным причинам, в исполнении своих конституционных обязанностей, хотя данный случай должен был рассматриваться в свете института отстранения от должности Президента Республики, установленного в статье 89 Конституции. Конституционный суд решил, что, в отличие от механизма отстранения от должности, который является сложным и длительным, процедура временного исполнения обязанностей сразу решает проблему полной функциональности основных государственных органов.

В этом аспекте, Конституционный суд отметил, что процедура отстранения от должности Президента Республики является сложной, но в то же время, эта процедура прямо предписана Конституцией для случаев совершения Президентом Республики тяжких деяний, нарушая тем самым положения Высшего закона. Следовательно, Конституционный суд пришел к выводу,

что **функциональным толкованием Конституции в Постановлении № 28 от 17 октября 2017 года был создан механизм, который не основан на Конституции**.

К такому выводу пришла и Венецианская комиссия в Заключении CDL-AD(2019)012 о сложившейся конституционной ситуации и условиях роспуска Парламента, принятом на 119-й пленарной сессии (Венеция, 21-22 июня 2019 года).

С учетом вышеприведенных доводов, Конституционный суд посчитал необходимым пересмотреть свои суждения и решение, изложенные в Постановлении № 28 от 17 октября 2017 года.

Конституционный суд отметил, что глава государства не должен быть вне ответственности. Конституция Республики Молдова предусматривает для Президента Республики два вида ответственности: юридическая (уголовная) ответственность и политическая (конституционная) ответственность.

Юридическая (уголовная) ответственность Президента страны регулируется статьей 81 ч.(3) Конституции. Данная статья предусматривает, что Парламент может принять решение о возбуждении обвинения против Президента Республики Молдова в случае совершения им преступления двумя третями голосов избранных депутатов. В соответствии с законом, судебное разбирательство входит в компетенцию Высшей судебной палаты. Президент отстраняется от должности по праву со дня вступления в законную силу обвинительного приговора.

Политическая (конституционная) ответственность Президента страны установлена в статье 89 Конституции. Эта статья предусматривает, что в случае совершения тяжкого деяния и нарушения тем самым положений Конституции Президент Республики Молдова может быть отстранен от должности Парламентом двумя третями голосов депутатов [ч. (1)]. Предложение об отстранении от должности может быть выдвинуто не менее чем одной третью депутатов и должно быть незамедлительно доведено до сведения Президента Республики Молдова. Президент может дать Парламенту объяснения по выдвинутым против него обвинениям [ч. (2)]. Если предложение об отстранении от должности утверждается, не позднее чем в 30-дневный срок проводится референдум по вопросу об отстранении Президента [ч. (3)]. Возможностью отстранения Парламентом от должности Президента Республики в случае грубого нарушения им положений Конституции обеспечивается действие принципа разделения и взаимодействия властей в государстве, регулируемого статьей 6 Конституции. Данный конституционный механизм направлен на восстановление равновесия сил в стране, нарушенного пренебрежением главой государства положений Высшего закона.

В отношении достаточного характера отказа Президента Республики назначить кандидата на должность премьер-министра, предложенного парламентским большинством, для инициирования процедуры отстранения его от должности, Конституционный суд отметил, что согласно ч. (1) статьи 89 Конституции, Президент Республики может быть отстранен от должности и отправлен в отставку за совершение тяжких деяний и нарушения тем самым положений Конституции. Конституция не определяет понятие «тяжкого деяния», нарушающего ее положения. Конституционный законодатель установил лишь прилагательную оговорку для обозначения степени нарушения Конституции, за которое Президент страны может быть отстранен от должности и отправлен в отставку.

Уполномоченным органом для квалификации и установления степени тяжести деяний, нарушающих Конституцию, в совершении которых обвиняется Президент Республики, является Конституционный суд, который, в соответствии с положениями Высшего закона, гарантирует верховенство Конституции [ч. (3) статьи 134], дает толкование Конституции [п. b) ч. (1) статьи 135] и констатирует обстоятельства, оправдывающие отстранение от должности Президента Республики Молдова [п. f) ч. (1) статьи 135].

Ввиду того, что по данному делу Конституционный суд не был призван установить, в порядке п. f) ч. (1) статьи 135 Конституции, обстоятельства, оправдывающие отстранение от

должности Президента Республики, он не может дать ответ на абстрактный вопрос о достаточном характере отказа Президента страны выдвинуть кандидата на должность премьер-министра, предложенного парламентским большинством, для инициирования процедуры отстранения его от должности. Определение нарушения положений Конституции в качестве тяжкого деяния, по смыслу ч. (1) статьи 89 Конституции, осуществляется для каждого случая в отдельности путем проведения анализа фактических (например, обстоятельства нарушения Конституции) и правовых обстоятельств дела (например, какое положение Конституции было нарушено).

Конституционный суд отметил, что в целом, чтобы оценить, может ли Президент Республики быть отстранен от должности и отправлен в отставку за отказ выдвижения на должность премьер-министра кандидата, предложенного парламентским большинством, необходимо принять во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, значение имеет, **нарушил ли Президент Республики своим отказом какое-либо положение Конституции и/или постановление Конституционного суда**.

Во-вторых, следует проанализировать, **выполнил ли Президент Республики обязательство беспристрастности и политической нейтральности в ходе выдвижения кандидатуры на должность премьер-министра**.

Конституционный суд отметил, что указанные критерии не являются исчерпывающими, а являются отправными точками в анализе характера тяжести деяния, нарушающего Конституцию, в случае отказа Президента Республики выдвинуть на должность премьер-министра кандидата, предложенного парламентским большинством. Они могут быть расширены в зависимости от конкретных обстоятельств обращений о констатации фактов, оправдывающих отстранение от должности и отставку Президента Республики, поданных в порядке статьи 135 ч. (1) п. f) Конституции.

В результате толкования Конституции Конституционный суд постановил следующее:

По смыслу ч. (1) статьи 98 Конституции, дискреционная власть Президента Республики при выдвижении кандидата на должность премьер-министра ограничена. В случае, если сформировано формализованное абсолютное парламентское большинство, Президент Республики обязан выдвинуть на должность премьер-министра кандидатуру, предложенную этим большинством. В случае, если не сформировано формализованное абсолютное парламентское большинство, Президент Республики обязан после консультаций с парламентскими фракциями выдвинуть кандидатуру на должность премьер-министра, даже если парламентские фракции не согласны с его предложением.

По смыслу статей 89 и 91 Конституции, в случае, если Президент Республики отказывается выдвинуть на должность премьер-министра кандидатуру, предложенную формализованным парламентским большинством, ситуация разрешается в порядке статьи 89 Конституции, предусматривающей отстранение от должности и отставку Президента Республики. Чтобы дать оценку факту отказа Президента Республики по выдвижению на должность премьер-министра кандидата, предложенного парламентским большинством, является ли это тяжким деянием, в соответствии с ч. (1) статьи 89 Конституции, должны быть учтены следующие элементы:

a) если своим действием Президент Республики нарушает какое-либо положение Конституции и/или постановление Конституционного суда и

b) если своим действием Президент Республики в ходе выдвижения кандидата на должность премьер-министра нарушает свое обязательство беспристрастности и политической нейтральности.

20. ЗАПРЕТ НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГ КОНКУРЕНТАМ НА ВЫБОРАХ ВО ВРЕМЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ СО СТОРОНЫ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Постановлением № 24 от 8 октября 2020 года Конституционный суд осуществил контроль конституционности некоторых положений ст. 6 ч. (5) Закона № 86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях[20].

Автор обращения указал, что оспариваемые положения запрещают оказывать услуги конкурентам на выборах в период избирательной кампании только некоммерческим организациям. В то же время, этот запрет не распространяется на коммерческие организации, невзирая на то, что, согласно закону, они находятся в сходном положении. Автор считает, что оспариваемыми положениями законодатель установил дискриминационную меру.

При анализе обращения Конституционный суд применил конституционные нормы ст. 16, ст. 32, ст. 46 и ст. 54.

Конституционный суд установил, что, согласно закону, как некоммерческие, так и коммерческие организации могут осуществлять экономическую деятельность и использовать полученные доходы для реализации своих уставных целей. Несмотря на сходное положение этих организаций, оспариваемый запрет применяется только к некоммерческим организациям.

Относительно правомерности преследуемой цели, Конституционный суд отметил, что оспариваемые законодательные положения запрещают некоммерческим организациям предоставлять конкурентам на выборах во время избирательной кампании как бесплатные, так и платные услуги.

По мнению Конституционного суда, **предоставление бесплатных услуг** конкурентам на выборах во время избирательной кампании может рассматриваться как форма политической поддержки со стороны некоммерческих организаций, по смыслу ст. 32 Конституции. Конституционный суд отметил, что указанный запрет, применяемый к некоммерческим организациям, исходит из того, что эти организации, в отличие от коммерческих организаций, пользуются финансовой поддержкой и другими льготами со стороны государства, а также механизмом процентных отчислений. При предоставлении этих льгот законодатель преследовал цель проявления политической нейтральности со стороны некоммерческих организаций во время избирательной кампании. Конституционный суд пришел к выводу, что данная цель вписывается в понятие «общественный порядок», предусмотренное ст. 54 ч. (2) Конституции.

В отношении **предоставления платных услуг,** Конституционный суд отметил, что, согласно закону, как некоммерческие, так и коммерческие организации могут осуществлять хозяйственную деятельность. Кроме того, некоммерческие организации могут предоставлять потенциальным конкурентам на выборах платные услуги вне избирательной кампании. Временное ограничение данной возможности сказывается на право собственности. Таким образом, Конституционный суд не выявил убедительных оснований для применения запрета на предоставление платных услуг только в отношении некоммерческих организаций, тем более, что закон разрешает некоммерческим организациям предоставлять такие услуги вне избирательной кампании. На практике избирательная кампания чаще всего принимает форму состязания, которая воплощает проводимую в предвыборной кампании работа. Если предоставление платных услуг политическим партиям со стороны некоммерческих организаций разрешено вне избирательной кампании, не существует законной цели, которая могла бы служить оправданием для применения только в отношении некоммерческих организаций запрета на предоставление этих услуг конкурентам на выборах в период избирательной кампании. Конституционный суд пришел к выводу, что запрет на предоставление платных услуг конкурентам на выборах во время избирательной кампании,

[20] Постановление № 24 от 08.10.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений ст. 6 ч. (5) Закона №86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях

установленный оспариваемыми положениями, необоснованно и дискриминационным образом ограничивает право собственности некоммерческих организаций, в разрез с конституционными нормами ст. 16 и ст. 46.

Относительно соразмерности запрета на предоставление бесплатных услуг, во-первых, Конституционный суд отметил, что санкции за предоставление бесплатных услуг конкурентам на выборах в ходе избирательной кампании применяются только к некоммерческим организациям, пользующихся финансовой поддержкой и другими льготами со стороны государства, а также механизмом процентного отчисления. Запрет на предоставление услуг конкурентам на выборах во время избирательной кампании не приводит к принудительной ликвидации некоммерческой организации, они могут работать дальше.

Во-вторых, Конституционный суд отметил, что оспариваемый запрет носит общий характер. Проанализировав, если оценка подобных случаев может обеспечивать политическую нейтральность некоммерческих организаций, Конституционный суд заключил, что бесплатный характер предоставленных услуг несет в себе посыл политической поддержки конкурента на выборах. Даже, если бывают случаи, когда некоммерческая организация предоставляет конкуренту на выборах в период избирательной кампании бесплатные услуги, не оказывая ему при этом политическую поддержку, это не означает, что такие случаи или ситуации являются аполитичными.

В-третьих, оспариваемый запрет имеет ограниченную сферу применения, так как относится только к предоставлению услуг. Он не распространяется на другие способы выражения мнения этими организациями в отношении конкурентов на выборах.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд подчеркнул, что законодатель верно определил действие конкурирующих принципов: свободы выражения некоммерческих организаций, с одной стороны, и государственного интереса в обеспечении общественного порядка, с другой стороны.

Принимая во внимание общий характер оспариваемого запрета, Конституционный суд направил Парламенту представление для приведения ст. 6 ч. (5) Закона о некоммерческих организациях в соответствие с Постановлением Конституционного суда с тем, чтобы во время избирательной кампании некоммерческим организациям запрещалось предоставлять бесплатные услуги и разрешались платные услуги.

Конституционный суд признал конституционной синтагму «предоставлять услуги и/или» в ст.6 ч. (5) Закона № 86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях в той мере, в какой некоммерческим организациям разрешается предоставлять конкурентам на выборах во время избирательной кампании платные услуги.

21. ОБЯЗАННОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПРЕДОСТАВЛЯТЬ ИНФОРМАЦИЮ ВЫСШЕМУ СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ

Конституционный суд 29 октября 2020 года вынес Постановление № 25 о контроле конституционности статьи 12 частей (7) и (8) Закона № 618 от 31 октября 1995 года о государственной безопасности[21].

По мнению автора обращения, положения ст. 12 ч. (7) закона являются непредсказуемыми и могут привести к произвольному применению со стороны Высшего совета безопасности. Кроме того, автор отметил, что оспариваемые положения превращают Высший совет безопасности, у которого нет конституционного статуса, в координационный и надзорный орган, стоящий над всеми органами государственной власти.

Конституционный суд исследовал основания обращения в свете статьи 28 в сочетании со статьями 1 ч. (3), 23 ч. (2) и 54 ч. (2) Конституции.

[21] Постановление № 25 от 29.10.2020 г. о контроле конституционности статьи 12 частей (7) и (8) Закона № 618 от 31 октября 1995 года о государственной безопасности

Конституционный суд отметил, что оспариваемые законодательные положения устанавливают обязанность предоставления двух видов информации: a) **любые данные и сведения, в том числе составляющие государственную, банковскую или коммерческую тайну, которые касаются национальной безопасности, обороны и общественного порядка; b) другую информацию**.

Конституционный суд проанализировал оспариваемые положения с двух точек зрения: 1) соблюдения требований качества закона и 2) обоснованности обязательства предоставлять истребованные сведения.

1) Соблюдение требований качества закона

a) Обязанность предоставления любых данных и сведений, в том числе составляющих государственную, банковскую или коммерческую тайну, ***которые касаются национальной безопасности, обороны и общественного порядка***

Конституционный суд неоднократно указал на то, что ч. (2) статьи 23 Конституции требует от законодателя принятия доступных и предсказуемых законов, предоставляющих гарантии от возможных злоупотреблений.

Что касается соблюдения требования доступности закона, Конституционный суд отметил, что положения ч. (7) статьи 12 Закона о государственной безопасности отвечают требованиям этого критерия, поскольку Закон о государственной безопасности опубликован в Официальном Мониторе Республики Молдова.

Относительно условия предсказуемости, Конституционный суд указал, что данная статья устанавливает обязанность органов власти и самостоятельных публичных юридических лиц представлять любые данные или сведения, запрашиваемые Высшим советом безопасности, в том числе информацию, разглашение которой ограничено, то есть составляет государственную, банковскую или коммерческую тайну, которые касаются национальной безопасности, обороны и общественного порядка.

В этом аспекте, Конституционный суд отметил, что определение и условия предоставления информации, составляющей государственную тайну или банковскую либо коммерческую тайну, отражены в иных нормативных актах, в частности, в Законе № 245 от 27 ноября 2008 года о государственной тайне, Законе № 202 от 6 октября 2017 года о деятельности банков.

b) Обязанность предоставления ***другой информации***

Конституционный суд отметил, что **синтагма «а также другую информацию» в ч. (7) статьи 12 Закона о государственной безопасности представляет собой источник правовой неопределенности из-за своего очень общего характера, без четких ограничений** (см., *mutatis mutandis*, ПКС № 15 от 22 мая 2018 года, §68; ПКС № 24 от 17 октября 2019 года, § 141).

Конституционный суд отметил, что текст **«а также другую информацию» не определяет области для запроса информации**, поскольку та же норма устанавливает, что власти обязаны предоставлять любые данные и сведения, в том числе составляющие государственную, банковскую или коммерческую тайну, которые касаются национальной безопасности, обороны и общественного порядка.

Конституционный суд пришел к выводу, что **синтагма «а также другую информацию» в ч. (7) статьи 12 Закона о государственной безопасности не отвечает требованиям качества закона и противоречит ч. (2) статьи 23 Конституции**.

2) Относительно обоснованности обязательства предоставлять любые другие данные и сведения, в том числе составляющие государственную, банковскую или коммерческую тайну, которые касаются национальной безопасности, обороны и общественного порядка

Конституционный суд подчеркнул, что Высший совет безопасности является консультативным органом, анализирующим деятельность министерств и других центральных административных органов в области обеспечения государственной безопасности и вырабатывающим соответствующие рекомендации для Президента Республики Молдова по вопросам внешней и внутренней политики (ч. (1) статьи 12 Закона о государственной безопасности).

В этом аспекте, Конституционный суд отметил, что государственная безопасность является составной частью национальной безопасности. Она представляет собой защищенность суверенитета, независимости и территориальной целостности и т. д. (статья 1 первое предложение того же закона).

Кроме того, Конституционный суд подчеркнул, что, в соответствии с ч. (2) статьи 77 Конституции, Президент Республики Молдова представляет государство и является гарантом суверенитета, национальной независимости, единства и территориальной целостности страны. Согласно ч. (4) статьи 87 Конституции, Президент Республики Молдова может принимать и иные меры, направленные на обеспечение национальной безопасности и общественного порядка, в пределах закона и в соответствии с ним.

Конституционный суд отметил, что **предоставление информации органами власти и самостоятельными публичными юридическими лицами направлено на разработку Высшим советом безопасности соответствующих рекомендаций в области внутренней и внешней политики государства и, следовательно, обеспечение государственной безопасности. Эта задача Совета оправдана рядом законных целей, предусмотренных ч. (2) статьи 54 Конституции: обеспечение национальной безопасности, территориальной целостности, экономического благосостояния страны, общественного порядка, защита прав, свобод и достоинства других лиц**.

Конституционный суд подчеркнул, что он не может проверить, согласно своим полномочиям, соразмерность способа применения оспариваемых положений, то есть соразмерность конкретного вмешательства. Эта обязанность принадлежит судам общей юрисдикции, которые могут быть призваны осуществить судебный контроль на основании соответствующих положений Административного кодекса о принципе и критериях соразмерности (см. статьи 29 и 225) и Закона о государственной безопасности (ч. (6) статьи 7). Конституционный суд может лишь констатировать наличие этих процессуальных гарантий и их достаточного характера.

Запрашивает ли Высший совет безопасности по конкретному делу сведения в целях обеспечения государственной безопасности, либо нарушает ли запрос этих сведений право на неприкосновенность частной жизни лица, гарантированное статьей 28 Конституции, в связи с его несоответствием законной цели, это те вопросы, которые могут быть подвергнуты судебному контролю общей юрисдикции, в зависимости от фактических и юридических обстоятельств каждого отдельного случая.

Конституционный суд указал, что **для соблюдения конституционных принципов государственные органы власти и независимые публичные юридические лица, получив запрос от Высшего совета безопасности о предоставлении информации, должны в зависимости от фактических и юридических обстоятельств каждого отдельного случая решать, направлены ли запрашиваемые сведения на достижение законных целей и существует ли несоразмерное вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни лица**.

Кроме того, Конституционный суд отметил, что Высший совет безопасности может запрашивать сведения и у **публичных органов конституционного уровня** (то есть прямо предусмотренные Конституцией и играющие основополагающую роль для конституционного правопорядка). Конституционный суд отметил, что **публичные органы конституционного**

уровня могут предоставлять запрашиваемые сведения в той мере, в которой это не затрагивает их статус и автономию, предусмотренные Конституцией.

Конституционный суд признал неконституционной синтагму «а также другую информацию» в ч. (7) статьи 12 Закона № 618 от 31 октября 1995 года о государственной безопасности.

22. ОСНОВАНИЯ ОБЖАЛОВАНИЯ НА ОТМЕНУ

Постановлением от 10 ноября 2020 года Конституционный суд осуществил контроль конституционности некоторых положений ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, утвержденного Законом № 122 от 14 марта 2003 года[22].

Автор обращения потребовал признать неконституционной ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова ввиду того, что она не допускает подачу кассационной жалобы на отмену отдельно или по прошествии 6 месяцев со дня вступления в силу судебного решения, если ЕСПЧ уведомляет Правительство Республики Молдова о поступлении такой жалобы.

Конституционный суд рассмотрел обращение в свете ст. 20 и ст. 119 в сочетании со ст. 23 и ст. 54 Конституции.

Конституционный суд отметил, что право доступа к суду, на нарушение которого указывает автор обращения, может подвергаться ограничениям (*Deweer против Бельгии*, 27 февраля 1980 г., § 49; *Kart против Турции* [БП], 3 декабря 2009 г., § 67). Тем не менее, ограничения не должны сказываться на осуществление права таким образом, чтобы затрагивать само право.

Конституционный суд указал, что законная цель, которую разумно можно вывести из ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, заключается, *inter alia*, в обеспечении исключительного порядка обжалования для предотвращения осуждения государства со стороны ЕСПЧ за предполагаемое нарушение на национальном уровне одного или нескольких прав, гарантированных Европейской конвенцией. Более того, в указанных положениях законодатель поставил перед собой задачу укрепить способность национальных судов защищать основные права в соответствии с конституционными нормами и международными обязательствами государства Республика Молдова.

Конституционный суд отметил, что союзное словосочетание «в том числе», используемое законодателем в ст. 453 ч. (1) Кодекса, **вызывает вопросы с точки зрения качества закона**. Его использование оставляет место для интерпретации в том смысле, что, если была подана кассационная жалоба на отмену в случае выявления в предыдущем производстве существенного нарушения, повлиявшего на обжалуемое решение, то в случае уведомления Правительства Республики Молдова о поступлении такой жалобы в ЕСПЧ подача кассационной жалобы отдельно невозможна.

Конституционный суд подчеркнул, что толкование словосочетания «в том числе» в ст. 453 ч. (1) в соотношении с положениями ст.454 Кодекса может привести в некоторых случаях, *ab absurdo*, к противоположному законным ожиданиям адресатов закона выводу.

В этом контексте, Конституционный суд указал, что такая интерпретация **словосочетания «в том числе» в правоприменительной практике способствует неясности нормы, противоречит стандарту качества закона и нарушает право на свободный доступ к правосудию, на справедливое, полное и объективное разбирательство дела,** кроме того, может привести к вынесению обвинительных приговоров в отношении государства Республика Молдова со стороны ЕСПЧ.

Подача кассационной жалобы на отмену в случае уведомления Правительства Республики Молдова о поступлении такой жалобы в ЕСПЧ не может обязывать Высшую

[22] Постановление № 26 от 10.11.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, утвержденного Законом № 122 от 14 марта 2003 года

судебную палату допустить кассационную жалобу *ipso facto,* но и не может служить основанием для ее недопустимости и признания ее вторичной по причине того, что в предыдущем производстве уже была рассмотрена по этому делу кассационная жалоба на отмену, которая была представлена в шестимесячный срок со дня вступления в силу судебного решения.

Исходя из сущности ст. 6 Европейской конвенции о правах человека и ст. 20 и ст. 119 Конституции, **кассационные жалобы на отмену необходимо рассматривать отдельно, чтобы выявить наличие или отсутствие существенного нарушения в предыдущем производстве.** В противном случае кассационная жалоба на отмену по основанию уведомления Правительства Республики Молдова со стороны ЕСПЧ о поступлении такой жалобы обретает теоретический и иллюзорный характер.

Принимая во внимание цель оспариваемых положений, заключающаяся в обеспечении реализации исключительного порядка обжалования для предотвращения осуждения государства со стороны ЕСПЧ, а также, чтобы исключить нарушения права доступа к правосудию, вызванные неясностью нормы, которая затрагивает легитимные ожидания адресатов закона, **Конституционный суд признал союзное словосочетание «в том числе» в ст.453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса** несоответствующим положениям ст. 20 и ст. 119 в сочетании с положениями ст. 23 и ст. 54 Конституции.

Конституционный суд направил Парламенту представление с целью устранения законодательных недостатков и обеспечения эффективности права на доступ к правосудию, и приведения ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса в соответствие с Постановлением Конституционного суда с тем, чтобы судебные решения, вступившие в законную силу, могли быть обжалованы в кассационном порядке на отмену в случае, если существенное нарушение в ходе предыдущего производства повлияло на обжалуемое решение, **а также** в случае уведомления Правительства Республики Молдова о поступлении такой жалобы в ЕСПЧ, уведомление, из которого следует, что в предыдущем производстве допущено существенное нарушение, повлиявшее на обжалуемое решение.

Конституционный суд признал неконституционным словосочетание «в том числе» в ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова. До внесения изменений в ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса с целью приведения ее в соответствие с Постановлением Конституционного суда, судебные решения, вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в кассационном порядке на отмену:

a) в случае, если существенное нарушение в ходе предыдущего производства повлияло на обжалуемое решение**, а также и**

b) в случае уведомления Правительства Республики Молдова со стороны ЕСПЧ о поступлении такой жалобы, уведомление, из которого следует, что в предыдущем производстве допущено существенное нарушение, повлиявшее на обжалуемое решение.

23. ГАРАНТИИ ИНОСТРАНЦЕВ В СЛУЧАЕ ВЫДВОРЕНИЯ

Конституционный суд 13 ноября 2020 года вынес Постановление о контроле конституционности некоторых положений Закона о режиме иностранцев в Республике Молдова[23].

Данное постановление дает возможность этой категории лиц пользоваться истинными и эффективными гарантиями, когда они сталкиваются с проблемой выдворения из Республики Молдова.

Анализируя предмет обращения в свете конституционных норм и практики ЕСПЧ, Конституционный суд обнаружил во внутреннем законодательстве ряд недостатков, связанных

[23] Постановление № 27 от 13.11.2020 г. о контроле конституционности некоторых положений статей 55 ч. (3), 56 ч. (2), 60 ч. (4) и 63 ч. (4) Закона № 200 от 16 июля 2010 года о режиме иностранцев в Республике Молдова

с объявлением иностранца нежелательным лицом и его выдворением из Республики Молдова, которые необходимо устранить.

Обращение, представленное в Конституционный суд, состоит из двух частей.

С одной стороны, были оспорены ст. 55 ч. (3) второе предложение и ст. 56 ч. (2) второе предложение Закона о режиме иностранцев. В силу оспариваемых положений, иностранец, объявлений нежелательным лицом по соображениям национальной безопасности, не может узнать причины, обусловившие принятие такого решения. Иностранец не может ознакомиться с этой причиной даже в судебной инстанции.

С другой стороны, были оспорены положения ч. (4) ст. 60 и ч. (4) ст. 63, согласно которым иностранец может быть удален/выдворен, если он представляет угрозу для национальной безопасности или общественного порядка Республики Молдова, даже если есть веские основания полагать, что в стране назначения его жизнь будет поставлена под угрозу либо он будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению.

Проанализировав правовые вопросы, затронутые в обращении, в соотношении с конституционными нормами и международными обязательствами Республики Молдова, Конституционный суд установил действие стандартов соответствующих решений Большой палаты ЕСПЧ: *Мухаммад и Мухаммад против Румынии* от 15 октября 2020 года и *F.G. против Швеции* от 23 марта 2016 года, которые имеют силу толкования норм по настоящему делу. Они устанавливают минимальный уровень защиты процессуальных гарантий в случаях выдворения иностранцев, а также защищают в процессуальном аспекте право на жизнь и право не подвергаться жестокому обращению. Конституционный суд проанализировал оспариваемые положения Закона о режиме иностранцев в свете требований вышеуказанных решений ЕСПЧ и ст. 19, ст. 20, ст. 24 и ст. 26 Конституции.

По первой части обращения Конституционный суд отметил, что ст. 55 ч. (3) и ст. 56 ч.(2) Закона запрещают иностранцу ознакомиться с основаниями вынесения решения об объявлении его нежелательным лицом по соображениям национальной безопасности, что лишает его возможности представить доказательства в свое оправдание и защитить себя от произвольных мер.

Однако, точно также, как процессуальные права иностранца не носят абсолютный характер, так и интересы национальной безопасности не являются абсолютными.

В этом аспекте, Конституционный суд отметил, что указанные положения устанавливают общее правило, невосприимчивое к особенностям некоторых дел и нарушающее процессуальные права иностранца, гарантированные статьями 19, 20 и 26 Конституции.

Конституционный суд отметил, что иностранец имеет возможность нанять адвоката, обладающего правом доступа к государственным тайнам. Такому адвокату сообщаются данные и сведения, лежащие в основе решения о признании иностранца нежелательным лицом по соображениям национальной безопасности.

Более того, чтобы проверить тот факт, действительно ли лицо представляет угрозу национальной безопасности, органы власти должны представить судебной инстанции все соответствующие документы, в том числе секретные, или любые другие факты. Так, статья 221 ч. (1) Административного кодекса гласит, что «органы публичной власти обязаны представлять судебной инстанции материалы административных дел вместе с отзывом на иск. По запросу судебной инстанции органы публичной власти обязаны также представлять имеющиеся у них другие документы, в том числе электронные, и предоставлять справочную информацию».

Конституционный суд указал, что необходимость охраны государственной тайны и законного интереса национальной безопасности не препятствует праву лица вкратце ознакомиться с причинами, ставшими основанием для признания его нежелательным лицом, в той мере, в которой это совместимо с сохранением конфиденциальности полученных данных.

Исходя из этих предпосылок, Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения ч. (3) ст. 55 и ч. (2) ст. 56 Закона о режиме иностранцев противоречат статье 26 в сочетании со статьей 19 Конституции, а следовательно, являются неконституционными.

Конституционный суд также отметил, что Закон о режиме иностранцев выполняет важную роль в уравновешивании ограничения по осуществлению иностранцами процессуальных прав. Он предусматривает в статье 57 ч. (1), что решение об объявлении иностранца нежелательным лицом может быть обжаловано им в судебную инстанцию в течение 5 рабочих дней.

Судебная инстанция, наделенная полномочиями по рассмотрению жалобы на решение об объявлении иностранца нежелательным лицом, представляет собой независимый орган, обладающий в связи с этим конституционными гарантиями.

Конституционный суд рассмотрел степень компетенции судебной инстанции и, в частности, вопрос о том, может ли суд проверить необходимость сохранения конфиденциальности секретной информации по соображениям национальной безопасности, а также необходимость и соразмерность самого решения об объявлении иностранца нежелательным лицом.

В этом случае Конституционный суд расширил свой контроль на статью 225 Административного кодекса. Часть (3) данной статьи касается также индивидуальных и нормативных административных актов относительно национальной безопасности Республики Молдова. К ним относятся и решения об объявлении иностранца нежелательным лицом. Эта часть статьи не позволяет судебной инстанции осуществлять полный контроль соразмерности оспариваемого решения. Хотя защита национальной безопасности может иногда препятствовать раскрытию иностранцу оснований принятия решения об объявлении его нежелательным лицом, судебная инстанция должна иметь возможность уравновесить интересы национальной безопасности с интересами иностранца, но ч. (3) статьи 225 Административного кодекса не дает ей такой возможности.

Конституционный суд заключил, что ч. (3) статьи 225 Административного кодекса является неконституционной в части, ограничивающей полномочия судебных инстанций по осуществлению контроля соразмерности индивидуальных и нормативных административных актов, поскольку противоречит статье 20 Конституции.

В отношении второй части обращения Конституционный суд отметил, что согласно ч. (4) статьи 60 Закона о режиме иностранцев, иностранцы, представляющие угрозу национальной безопасности, общественному порядку или страдающие заболеваниями, опасными для общественного здоровья, и отказывающиеся от прохождения лечения, необходимого по медицинским показаниям, могут быть удалены, даже если существуют обоснованные опасения, что их жизнь находится в опасности или они могут подвергнуться пыткам, бесчеловечному или унижающему их достоинство обращению в государстве, куда они должны быть возвращены. Кроме того, согласно ч. (4) статьи 63 Закона о режиме иностранцев, по соображениям национальной безопасности или общественного порядка, иностранцы могут быть выдворены даже в страну, где их жизнь будет находиться под угрозой либо они подвергнутся пыткам, бесчеловечному или унижающему их достоинство обращению.

В случае наличия обоснованных опасений, что жизнь иностранцев может быть под угрозой либо они могут подвергнуться пыткам, бесчеловечному или унижающему их достоинство обращению в стране назначения, Конституция Республики Молдова и практика Европейского суда запрещают любое удаление или выдворение. В этом аспекте, права, гарантированные статьей 24 Конституции и статьями 2 и 3 Европейской конвенции, являются абсолютными. Таким образом, абсолютный характер этих аспектов в статье 24 Конституции и статьях 2 и 3 Конвенции является достаточным, чтобы признать неконституционными синтагмы «и e)» в ч. (4) статьи 60 и «(1) и» в ч. (4) статьи 63 Закона о режиме иностранцев.

Конституционный суд постановил, что до внесения Парламентом изменений в статьи 55 ч. (3) второе предложение и 56 ч. (2) второе предложение Закона о режиме иностранцев в Республике Молдова, решение об объявлении иностранца нежелательным лицом по соображениям национальной безопасности будет содержать краткое изложение причин в порядке, совместимом с законным интересом национальной безопасности, и будет сообщено иностранцу в этой форме. На основании вышеизложенного, Конституционный суд внес в Парламент представление.

24. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПО РАССМОТРЕНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТОВ

Постановлением от 19 ноября 2020 года Конституционный суд дал толкование ст. 64, ст.72, ст. 73, ст. 74 и ст. 131 ч. (4) Конституции[24].

Авторы обратились в Конституционный суд с просьбой прояснить следующие вопросы:

(1) Допускает ли Конституция установление Парламентом временного регламента для рассмотрения законопроектов и поправок без изменения Регламента Парламента, утвержденного органическим законом?

(2) Может ли депутат, исходя из права на законодательную инициативу, вносить поправки к законопроектам? Нарушается ли право депутата на законодательную инициативу в случае отклонения Парламентом поправки на основании положений временного регламента?

(3) Обязан ли Парламент истребовать заключение Правительства в случае внесения депутатами поправок, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов? Обязано ли Правительство выносить заключение по этим поправкам?

(4) Допускает ли Конституция отклонение Парламентом предложенных депутатами поправок, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов, без истребования заключения Правительства?

I. Допускает ли Конституция установление Парламентом временного регламента для рассмотрения законопроектов и поправок без изменения Регламента Парламента, утвержденного органическим законом?

Конституционный суд отметил, что авторы обращения затронули вопрос напряженного соотношения между принципом парламентской автономии, с одной стороны, и принципами представительной демократии и верховенства Конституции, с другой стороны.

Конституционный суд подчеркнул, что принцип парламентской автономии предполагает определенную свободу усмотрения, на которую указывается в первом предложении ч. (1) ст. 64 Конституции и которая позволяет Парламенту самостоятельно определять порядок рассмотрения законопроектов и поправок, внесенных депутатами.

Конституционный суд вновь подчеркнул, что автономия Парламента является проявлением правового государства, демократических принципов, однако может использоваться только в пределах, установленных Высшим законом. Парламент не может осуществлять свою автономию произвольно, неправомерно, в нарушение конституционных полномочий или императивных норм парламентской процедуры. Парламентская автономия не оправдывает установление правил, которые нарушают букву и дух Высшего закона. ЕСПЧ в своей практике определил, что парламентская автономия может осуществляться только в соответствии с принципом главенства права (см. *Mugemangango против Бельгии* [БП], 10 июля 2020 г., § 88).

Конституционный суд отметил, что свобода усмотрения, которой Парламент располагает в силу своей автономии, должна быть совместимой с понятиями «представительной демократии» и «верховенства Конституции». Отсюда следует, что парламентская автономия может осуществляться законным образом только, если соблюдаются эти принципы.

[24] Постановление № 28 от 19.11.2020 г. о толковании ст. 64, ст. 72, ст. 73, ст. 74 и ст. 131 ч. (4) Конституции

Конституционный суд указал, что при установлении правил парламентской процедуры по рассмотрению законопроектов и поправок парламентское большинство должно соблюдать баланс между парламентской автономией и принципом представительной демократии. Это означает, что парламентское большинство обязано обеспечивать справедливое и адекватное отношение к парламентскому меньшинству, не злоупотребляя своим доминирующим положением.

Конституционный суд подчеркнул, что первое предложение ч. (1) ст. 64 Конституции требует, чтобы парламентские процедуры проводились в соответствии с Регламентом, который, согласно ст. 72 ч. (3) п. c) Конституции, принимается органическим законом.

Целью данного требования является обеспечение проведения парламентских процедур по правилам, способным гарантировать действенное участие депутатов как из числа парламентского большинства, так и из числа парламентской оппозиции. В этом смысле, парламентская автономия позволяет Парламенту вносить изменения в свой Регламент. Вместе с тем, чтобы обеспечивать справедливое и адекватное отношение к парламентскому меньшинству, является необходимым, чтобы парламентское большинство давало возможность парламентскому меньшинству участвовать в изменении Регламента и, в то же время, вводило такие правила, которые способствовали бы участию парламентского меньшинства в парламентских процедурах. В этом контексте, Конституционный суд указал, что, устанавливая в отношении парламентской процедуры временные правила, противоречащие Регламенту Парламента, парламентское большинство препятствует участию парламентской оппозиции в рассмотрении законопроектов и внесении поправок. Это может привести к нарушению равновесия между принципом парламентской автономии и принципом представительной демократии.

ЕСПЧ в своей практике подчеркнул, что особенно необходимо достижение равновесия, которое обеспечивает справедливое и адекватное отношение к членам парламентского меньшинства и исключает злоупотребление доминирующим положением. Правила внутренней деятельности Парламента не должны служить для большинства основанием для злоупотребления своим доминирующим положением по отношению к меньшинству. ЕСПЧ считает важной защиту парламентского меньшинства от злоупотреблений большинства (см. *Karácsony и другие против Венгрии* [БП], 17 мая 2016 г., § 147).

По мнению Венецианской комиссии, необходимо обеспечивать стабильность процедурного Регламента и не менять его при каждом новом созыве законодательного органа частыми распоряжениями или иным способом, в ущерб парламентскому меньшинству. Парламент не должен вводить специальные процедуры и создавать комиссии *ad hoc* с целью обойти обычный порядок принятия законов и рассмотрения законопроектов существующими постоянными комиссиями (см. Показатели отношений между парламентским большинством и оппозицией в демократическом обществе: *checklist*, принятый на 119-м пленарном заседании (Венеция, 21-22 июня 2019 г.), CDL-AD(2019)015-e, §§ 38 и 91).

Конституционный суд также отметил, что, устанавливая правила парламентской процедуры по рассмотрению законопроектов и поправок, парламентскому большинству надлежит произвести «примирение» принципа парламентской автономии с принципом верховенства Конституции. Следовательно, правила парламентской процедуры должны соблюдать конституционные нормы. Конституционный суд указал на неприемлемость воспринимания принципа парламентской автономии, как допускающего игнорирование Парламентом конституционных норм, определяющих парламентские процедуры. В этой связи, Конституционный суд отметил, что первое предложение ч.(1) ст. 64 Конституции допускает проведение парламентских процедур только в соответствии с нормами, установленными Регламентом, принятым, согласно ст. 72 ч. (3) п. c) Конституции, органическим законом. Конституционный суд отметил, что в целях обеспечения «примирения» принципа парламентской автономии с принципом верховенства Конституции **парламентское большинство может**

изменить правила парламентской процедуры по рассмотрению законопроектов и поправок только путем изменения Регламента Парламента органическим законом.

II. Может ли депутат, исходя из права на законодательную инициативу, вносить поправки к законопроектам? Нарушается ли право депутата на законодательную инициативу в случае отклонения Парламентом поправки на основании положений временного регламента?

Конституционный суд решил, что в рассматриваемом случае его задача заключается в том, чтобы выяснить, подпадает ли право депутатов на внесение поправок к законопроектам под понятие «законодательной инициативы», предусмотренное ст. 73 Конституции.

Во-первых, Конституционный суд указал на существующие различия между правом депутата на законодательную инициативу и правом депутата на внесение поправок. Невзирая на эти различия, у права на законодательную инициативу и права на внесение поправок цель одна – законотворчество.

Во-вторых, Конституционный суд отметил, что поскольку Конституция предусматривает, что депутаты обладают правом на законодательную инициативу, то есть они могут предложить для рассмотрения и принятия законопроекты, с тем большим основанием они могут вносить поправки к законопроектам. Было бы неразумным считать, что Конституция позволяет депутатам предложить законопроекты, но запрещает им вносить поправки в ходе парламентских прений с тем, чтобы изменить или дополнить статью, часть статьи или положение законопроекта.

В-третьих, Конституционный суд отметил, что, если бы Конституция не гарантировала право на внесение поправок к законопроектам, вытекающее из права на законодательную инициативу, и оставила бы его на усмотрение Парламента, парламентскому большинству было бы трудно устоять, чтобы не ограничивать данное право путем изменения Регламента Парламента. В такой ситуации возникает вопрос соблюдения принципа представительной демократии.

Что касается второй части вопроса, то есть нарушает ли Парламент право депутата на законодательную инициативу в случае отклонения поправки на основании временного регламента, ответ Конституционного суда был утвердительным, учитывая, что ранее он указал, что Конституция не позволяет Парламенту применять при рассмотрении законопроектов и поправок временный регламент, без изменения Регламента Парламента, утвержденного органическим законом.

III. Обязан ли Парламент истребовать заключение Правительства в случае внесения депутатами поправок, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов? Обязано ли Правительство выносить заключение по этим поправкам?

При принятии решений по бюджетным вопросам положения ч.(4) ст. 131 Конституции предусматривают непосредственную зависимость Парламента от Правительства, то есть обязательность предварительного одобрения Правительством законодательных поправок или законодательных предложений, влекущих увеличение или сокращение расходов, доходов или займов, как непременное условие, от которого Парламент не может отступать в процессе утверждения национального публичного бюджета и несоблюдение которого является нарушением процедуры, установленной Конституцией, в части нормотворчества в бюджетной сфере. В этом контексте, ранее Конституционный суд отметил, что принятие закона, влияющего на бюджет, без заключения Правительства приводит к нарушению процедуры, предусмотренной ст. 131 ч. (4) Конституции (см. ПКС № 2 от 28 января 2014 г., §§ 48 и 74; ПКС № 23 от 10 октября 2019 г., § 77).

Относительно первой части вопроса, обязан ли Парламент истребовать заключение Правительства в случае внесения депутатами поправок, влекущих за собой увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов, Конституционный суд отметил, что Парламент

обязан истребовать заключение Правительства в случае внесения поправок, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов. В то же время, Конституционный суд отметил, что Парламент вправе вводить условия приемлемости поправок (к примеру, сроки и формы внесения поправок и т.д.), которые позволяют ему предотвратить затягивание процесса принятия законопроектов, предполагающих увеличение или сокращение расходов, бюджетных доходов или займов.

Относительно второй части вопроса, а именно, обязано ли Правительство давать заключение по поправкам, предложенным депутатами, Конституционный суд ранее подчеркнул, что Правительство не может отказаться от своей конституционной прерогативы, в том числе от выражения своего согласия или несогласия с законодательными предложениями или поправками, влияющими на бюджет (см. ПКС № 2 от 28 января 2014 г., § 66; ПКС № 6 от 13 февраля 2014 г., § 69; ПКС № 7 от 13 февраля 2014 г., § 74).

IV. Допускает ли Конституция отклонение Парламентом предложенных депутатами поправок, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных доходов или расходов, без истребования заключения Правительства?

Конституционный суд отметил, что авторы обращения поднимают вопрос о возможности Парламента решать самостоятельно, без участия Правительства, в отношении поправок, предложенных депутатами в соответствии со ст. 131 ч. (4) Конституции. В этом аспекте, Конституционный суд отметил, что автономия, которой Парламент располагает в ходе законодательной процедуры, допускает лишь в одном случае отклонение поправок, внесенных депутатами на основании ст. 131 ч. (4) Конституции.

На основании принципа парламентской автономии Парламент может определить в своем Регламенте условия приемлемости поправок. Парламент может обусловить внесение поправок такими требованиями, как срок подачи, формальные требования и др. Парламент вправе проверять предложенные поправки на соответствие условиям приемлемости. Следовательно, если поправки, касающиеся увеличения или сокращения бюджетных доходов или расходов, внесенные депутатами, не отвечают требованиям приемлемости, установленным Регламентом Парламента, по Конституции законодательный орган может их отклонить, без истребования заключения Правительства.

Дав толкование Конституции, Конституционный суд постановил следующее:

По смыслу первого предложения ч. (1) ст. 64 и ст. 72 ч. (3) п. c) Конституции, запрещается принятие Парламентом временного регламента для рассмотрения законопроектов и поправок без изменения Регламента Парламента, утвержденного органическим законом.

По смыслу ст. 73 Конституции, депутаты вправе вносить поправки к законопроектам на основании права на законодательную инициативу, которым они обладают. Конституция запрещает Парламенту отклонять поправки депутатов, руководствуясь положениями временного регламента. Несоблюдение данного ограничения является нарушением права депутатов на законодательную инициативу, гарантированного Конституцией.

По смыслу ст. 131 ч. (4) Конституции, Парламент обязан истребовать заключение Правительства по поправкам, внесенным в рамках процедуры, предусмотренной ст. 131 ч. (4) Конституции, только в том случае, если поправки отвечают требованиям приемлемости, установленным Регламентом Парламента. Конституция обязывает Правительство выносить заключение по поправкам, которые были направлены ему Парламентом в соответствии с процедурой, предусмотренной ст. 131 ч. (4) Конституции.

По смыслу ст. 131 ч. (4) Конституции, если поправки, касающиеся увеличения или сокращения бюджетных доходов или расходов, внесенные депутатами, не отвечают требованиям приемлемости, установленным Регламентом Парламента, по Конституции законодательный орган может их отклонить, без истребования заключения Правительства.

25. ПЕРЕВОД ПЕНСИИ ЗА ГРАНИЦУ

Постановлением от 26 ноября 2020 года Конституционный осуществил контроль конституционности положений ст. 60 Закона о пенсионном обеспечении военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и Генерального инспектората карабинеров[25], запрещающих перевод пенсии за пределы страны.

Конституционный суд отметил, что, согласно ст. 46 ч. (1) Конституции, право частной собственности, а также долговые обязательства, взятые на себя государством, гарантируются. Согласно ст. 47 ч. (2) Конституции, граждане имеют право на социальное обеспечение в случае безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или в других случаях утраты средств к существованию по не зависящим от них обстоятельствам. Эти два вышеуказанных права не должны обеспечиваться по-разному по отношению к лицам, находящимся в аналогичных ситуациях, без объективных и обоснованных на то причин. Дифференцированное отношение является дискриминационным, если не имеет объективного и разумного обоснования, то есть, если не преследует законную цель либо не существует разумной соразмерной связи между используемыми средствами и поставленной целью.

Статья 60 оспариваемого закона предусматривает, что пенсии не назначаются военнослужащим, лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, а также государственным служащим с особым статусом в составе системы пенитенциарной администрации и Генерального инспектората карабинеров, их семьям, выехавшим на постоянное жительство за границу. Таким образом, оспариваемая статья обусловливает выплату пенсию местом жительства лица. Это условие может привести к ситуации, когда отдельные лица, которые проработали в Республике Молдова и приобрели право на пенсию, лишаются данного права, поскольку на весь период проживания пенсионера за пределами страны выплата пенсии приостанавливается. Эти лица смогут вновь получать пенсию в случае возвращения в Республику Молдова.

Конституционный суд подчеркнул, что свобода усмотрения, которой располагает законодатель, предполагает полномочия принимать меры, ограничивающие гарантированные права, но при постоянном соблюдении принципов законности, правомерности преследуемой цели и соразмерности. В этом контексте, Конституционный суд посчитал неприемлемой для ограничения (лишения) прав и основных свобод ссылку на экономический кризис или финансовые затруднения.

Конституционный суд привел суждения, изложенные в Постановлении №10 от 8 мая 2018 года, которым он признал неконституционными ст. 2 и ст. 36 Закона о государственной пенсионной системе, обусловившие выплату пенсии местом жительства лица.

Конституционный суд указал на наличие дифференцированного подхода в сфере выплаты пенсий в отношении пенсионеров начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, а также государственных служащих с особым статусом в составе системы пенитенциарной администрации и Генерального инспектората карабинеров, не проживающих в Республике Молдова, по сравнению с теми, которые проживают в Республике Молдова, а также с получателями пенсии на основании ст.36 Закона о государственной пенсионной системе.

Таким образом, оспариваемые положения противоречат ст. 46 и ст. 47 в соотношении со ст. 16 Конституции. Конституционный суд признал их неконституционными.

[25] Постановление № 29 от 26 ноября 2020 г. о контроле конституционности ст. 60 Закона № 1544 от 23 июня 1993 года о пенсионном обеспечении военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и Генерального инспектората карабинеров

26. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ, СОСТОЯВШИХСЯ 15 НОЯБРЯ 2020 Г., И ПРИЗНАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ МАНДАТА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Конституционный суд 10 декабря 2020 года вынес Постановление о подтверждении результатов выборов и признании действительным мандата Президента Республики Молдова[26].

Согласно статьям 78, 79 ч. (1) и 135 ч. (1) п. e) Конституции, статье 4 ч. (1) п. e) Закона о Конституционном суде, статьям 4 ч. (1) п.e) и 38 ч. (3) Кодекса конституционной юрисдикции, статьям 122 и 123 Кодекса о выборах, Конституционный суд подтвердил результаты выборов Президента Республики Молдова и признал действительным его мандат.

Конституционный суд отметил, что по данным Центральной избирательной комиссии в первом туре голосования приняли участие 48,54 % избирателей, что составляет более одной трети граждан, включенных в списки избирателей. Согласно выводам Центральной избирательной комиссии, выборы в первом туре голосования от 1 ноября 2020 года признаны состоявшимися.

Конституционный суд указал на обоснованный характер организации проведения второго тура голосования, поскольку в первом туре не был избран кандидат, который бы набрал не менее половины голосов избирателей, принявших участие в выборах. Конституционный суд отметил, что организация второго тура голосования соответствует первому предложению ч. (4) статьи 78 Конституции, которое гласит, что в случае, если ни один из кандидатов не набрал необходимого большинства голосов, проводится второй тур голосования по первым двум кандидатурам, установленным в порядке убывания числа голосов, полученных в первом туре.

Центральная избирательная комиссия Постановлением № 4507 от 20 ноября 2020 года, на основании статей 18 ч. (2), 26 ч. (1) п. j), 65, 119, 120 ч. (5) и 121 Кодекса о выборах, утвердила протокол о подведении итогов второго тура выборов Президента Республики Молдова от 15 ноября 2020 года.

Согласно статье 125 ч. (2) Кодекса о выборах, во втором туре голосования выборы признаются состоявшимися независимо от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Конституционный суд отметил, что выборы во втором туре голосования от 15 ноября 2020 года признаны состоявшимися.

Конституционный суд заключил, что Центральная избирательная комиссия объявила Майю Санду избранным кандидатом, в соответствии со вторым предложением ч. (4) статьи 78 Конституции, согласно которому избранным признается кандидат, получивший наибольшее число голосов, при условии, что оно превышает число голосов, поданных против него. Майя Санду набрала большее число голосов, чем второй конкурент Игорь Додон.

Конституционный суд отметил, что в процессе президентских выборов и подсчета голосов не было установлено нарушений Кодекса о выборах, доказанных в определяемом законом порядке, которые могли бы повлиять на результаты выборов и распределение мандата.

В осуществление своих полномочий, установленных Конституцией, Конституционный суд подтвердил результаты президентских выборов, согласно которым 15 ноября 2020 года Майя Санду была избрана Президентом Республики Молдова.

В соответствии со ст. 79 ч. (1) Конституции, ст. 4 ч. (1) п. e) Закона о Конституционном суде, ст. 4 ч. (1) п. e) Кодекса конституционной юрисдикции и ст. 123 ч. (1) Кодекса о выборах, действительность мандата Президента Республики Молдова признается Конституционным судом.

Согласно ст. 123 ч. (2) Кодекса о выборах, до признания полномочий кандидат, избранный Президентом Республики Молдова, представляет Конституционному суду подтверждение, что он не является членом какой-либо политической партии и не занимает

[26] Постановление № 30 от 10.12.2020 г. о подтверждении результатов выборов и признании действительным мандата Президента Республики Молдова

иную публичную или частную должность. В связи с этим, 9 декабря 2020 года Майя Санду представила Конституционному суду подтверждение, что не является членом какой-либо политической партии и не занимает иную публичную или частную должность.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд постановил:

Подтвердить результаты выборов Президента Республики Молдова от 15 ноября 2020 года.

Подтверждается избрание Майи Санду на должность Президента Республики Молдова.

27. МОМЕНТ ВРУЧЕНИЯ АКТОВ СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ АДРЕСАТУ

Постановлением от 17 декабря 2020 года Конституционный суд проверил конституционность некоторых положений ч. (2) и ч. (7) статьи 67 Исполнительного кодекса[27], принятого Законом № 443 от 24 декабря 2004 года, предусматривающих момент вручения актов судебного исполнения адресату.

Статья 67 Исполнительного кодекса регулирует правовой порядок направления и вручения актов судебного исполнителя. Положения ч. (1) статьи 67 предусматривают, что акты судебного исполнителя доставляются непосредственно адресату предусмотренными законом способами (которые должны обеспечивать передачу содержащегося в акте текста и подтверждать его получение), и только потом, в случае отсутствия адресата – физического лица, вступает в действие норма части (2). В последнем случае, если адресат отсутствует, акты судебного исполнителя вручаются для передачи лицу, проживающему с адресатом (взрослым членам его семьи, родственникам, свойственникам), или должностному лицу примэрии, председателю ассоциации жильцов по месту жительства адресата. Лицо, принявшее документы, несет ответственность за немедленную передачу или сообщение их адресату, а также за причинение ущерба несообщением или запоздалым сообщением документа. Документ считается врученным адресату со дня, указанного в уведомлении о получении. В случае, если вручение акта судебного исполнителя адресату или лицам, указанным в части (2) статьи 67, оказалось невозможным, акт сообщается путем опубликования его в Официальном мониторе Республики Молдова (статья 67 ч. (4) Исполнительного кодекса).

Следовательно, выбор законодателя в способе сообщения актов судебного исполнителя, в случае невозможности их личного вручения должнику, является достаточно ясным и предсказуемым. Подобный способ извещения содержится и в законах других европейских государств.

Обязательство передачи документов, полученных от судебного исполнителя, которым наделены лица, указанные в части (2) статьи 67 Исполнительного кодекса, вытекает из того, что эти лица находятся в более близких отношениях с адресатом, в сравнении с судебным исполнителем, чтобы знать его положение, место нахождения и, по возможности, могут передать касающиеся его документы.

Кроме того, данный способ сообщения документов основан на общей обязанности всех физических и юридических лиц, предусмотренной статьей 120 Конституции, уважать принятое судом решение и способствовать его выполнению. Только когда достоверно установлено, что указанный в акте адресат отсутствует, предпринимаются альтернативные меры сообщения актов судебного исполнителя, которые применяются постепенно.

Конституционный суд отметил, что, когда заинтересованное лицо ссылается на нарушение одного из основных прав, оно должно обладать достаточными процессуальными гарантиями и иметь эффективную возможность обращения в суд, который может высказаться в отношении предполагаемого вмешательства в его право (см. ПКС № 8 от 5 апреля 2019 года, § 48).

[27] Постановление № 31 от 17.12.2020 г. об исключительном случае неконституционности некоторых положений ч. (2) и ч. (7) статьи 67 Исполнительного кодекса, принятого Законом № 443 от 24 декабря 2004 года

Конституционный суд указал, что ч. (7) статьи 67 предусматривает, что сроки обжалования актов судебного исполнителя исчисляются: (i) со дня, указанного в уведомлении о получении (часть (1)); (ii) со дня, указанного в протоколе о вручении его третьим лицам (часть (2)); или (iii) со дня сообщения акта путем опубликования в Официальном Мониторе Республики Молдова (часть. (4)). Следовательно, протокол об аресте и/или изъятии имущества может быть обжалован в судебную инстанцию в порядке, установленном ч. (5) статьи 118 Исполнительного кодекса. Кроме того, участник исполнительного производства, на основании ч. (2) статьи 162 Исполнительного кодекса, может быть восстановлен в сроке обжалования в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом. Статья 116 Гражданского процессуального кодекса предусматривает, что лица, которые по обоснованным причинам пропустили срок выполнения процессуального действия, могут быть восстановлены в сроке судебной инстанцией (часть (1)). Более того, судебное определение об отказе в восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано в кассационном порядке, а определение о восстановлении срока не подлежит кассационному обжалованию (часть (5)).

Конституционный суд заключил, что оспариваемые положения статьи 67 Исполнительного кодекса не ограничивают свободный доступ к правосудию, отвечают требованиям качества и соответствуют статьям 20 и 23 Конституции. Конституционный суд *признал конституционными* предложение «документ считается врученным адресату со дня, указанного в уведомлении о получении» в части (2) статьи 67 и положения части (7) той же статьи Исполнительного кодекса, принятого Законом № 443 от 24 декабря 2004 года.

B. Признание депутатских мандатов

В пленарных заседаниях Конституционного суда не были установлены обстоятельства, препятствующие признанию депутатских мандатов, присвоенных Центральной избирательной комиссией:

- Никите Цуркан по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова» (ПКС № 4/2020);
- Николаю Паскару по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова» (ПКС № 14/2020).

Также, Постановлением № 8 от 24.03.2020 года Конституционный суд *подтвердил результаты* новых парламентских выборов, состоявшихся 15 марта 2020 года, в одномандатном избирательном округе № 38, мун. Хынчешть, и *признал действительным* мандат депутата Штефана Гацкан, кандидата от политической партии «Партия социалистов Республики Молдова», избранного в Парламент Республики Молдова по этому округу.

C. Представления

В течение 2020 года Конституционный суд направил Парламенту следующие представления.

- **Представление № РСС-01/189g/597 от 10.12.2020 года**

Определением № 14 от 10 февраля 2020 года Конституционный суд признал неприемлемым обращение о контроле конституционности положений «в отношении лиц, достигших 18 лет, но не достигших 21 года, ранее не судимых» ч. (1) ст. 84 Уголовного кодекса, представленное временно исполняющим обязанности Генерального прокурора, Думитру Робу.

Конституционный суд отметил, что, на основании ст. 84 ч. (1) Уголовного кодекса, для лиц в возрасте 18 лет, которые не достигли 21 года и которые **ранее не были осуждены**, окончательное наказание в виде лишения свободы может составлять не более **12 лет и 6**

месяцев. Если лица достигли 18 лет и не достигли 21 года, **но ранее были осуждены**, наказание в виде лишения свободы по совокупности преступлений может составлять, согласно ст. 70 ч. (4) Уголовного кодекса, не более **20 лет**. **Отличие между этими положениями состоит в наличии или отсутствии у лица ранее судимости**. Применение одной или другой нормы зависит от данного критерия.

Вместе с тем, Конституционный суд подчеркнул, что, согласно первому предложению ч.(3^1) ст. 70 Уголовного кодекса, «при назначении наказания лицам, достигшим 18 лет, но не достигшим 21 года, совершившим преступление в возрасте от 18 лет до 21 года, максимальное наказание сокращается на одну треть». Конституционный суд пришел к выводу, что сокращение наказания на одну треть лицам, достигшим 18 лет, но не достигшим 21 года, является первым шагом суда в индивидуализации наказания, независимо от того, были ли они ранее осуждены и совершали ли они одно или несколько преступлений (*i.e.* совокупность преступлений).

Конституционный суд посчитал, что положения ст. 70 ч. (3^1) и ст. 84 ч. (1) Уголовного кодекса следует рассматривать в соотношении. Совершение лицом множества преступлений свидетельствует об его устойчивом преступном поведении. Совокупность преступлений (идеальная или реальная), как форма множественности преступлений, отражает фактическое положение преступника и доказывает, как правило, повышенную степень опасности, которую он представляет для общества. Отсюда разумно следует, что **за совершение одного преступления лицам в возрасте от 18 до 21 года, которые ранее не были осуждены, следует назначать более мягкое наказание, чем то, которое предусмотрено за совершение множества преступлений одинаковой тяжести.** В любом случае, наказание за совершение одного преступления не должно превышать предел наказания, установленный законодателем для этой категории лиц при совокупности преступлений.

Конституционный суд подчеркнул, что интерпретация ст. 70 ч. (3^1) Уголовного кодекса в отрыве от других положений может привести в случае совершения одного особо тяжкого преступления лицами в возрасте от 18 до 21 года, которые ранее не были осуждены, к применению к ним более сурового наказания, чем в случае совершения ими множества преступлений одинаковой тяжести. Это вытекает не только из сокращения максимального наказания на одну треть, предусмотренного первым предложением ч. (3^1) ст. 70 Уголовного кодекса, но и из второго предложения той же статьи, которое позволяет судье назначить наказание в общих пределах, в зависимости от личности преступника и других обстоятельств дела. Однако, судья не располагает такими возможностями, когда применяет ст. 84 ч. (1) Уголовного кодекса, из которого следует, что максимальный предел наказания в виде лишения свободы составляет 12 лет и 6 месяцев.

Чтобы исключить отрывочное и несогласованное толкование ст. 70 ч. (3^1) Уголовного кодекса и назначение лицам в возрасте от 18 до 21 года, которые ранее не были осуждены, более суровых наказаний за совершение одного преступления, чем за совершение множества преступлений, Конституционный суд посчитал необходимым вмешательство Парламента.

Конституционный суд указал, что в соответствии со ст. 72 ч. (3) п. n) Конституции, Парламенту надлежит концептуально скорректировать порядок и пределы назначаемых наказаний в случае совершения лицами в возрасте от 18 до 21 года, которые ранее не были осуждены, одного преступления [ст. 70 ч. (3^1) Уголовного кодекса] и в случае совершения ими множества преступлений [ст. 84 ч. (1) Уголовного кодекса], учитывая различия в подсчете при определении уголовного наказания.

- **Представление № PCC-01/47a от 23.06.2020 года**

Конституционный суд 23 июня 2020 года вынес Постановление №17, в котором, кроме прочего, признал конституционными статьи 20 п. k), 22 ч. (1) п. i), 24 п. g) и 25 п. j) Закона

№212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и синтагму «других действий, необходимых» в статье 2 пкт. 12) Постановления Парламента №55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения в той мере, в которой органы, ответственные за управление чрезвычайным положением, осуществляют полномочия, меры или действия, необходимые только для реализации целей, ставших основанием для объявления чрезвычайного положения, необходимые полномочия, меры или действия не выходят за рамки компетенции исполнительной власти и Парламент может осуществлять эффективный контроль данных мер.

В данном постановлении Конституционный суд определил, что Закон о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения не устанавливает достаточных механизмов, позволяющих Парламенту проверять действия органов, ответственных за управление чрезвычайным положением, на соответствие закону. Конституционный суд отметил, что парламентский контроль необходим для восстановления равновесия между государственными властями в результате предоставления расширенных полномочий Правительству и для обеспечения соблюдения принципа верховенства права (см. § 126 постановления).

Учитывая тот факт, что Конституция не обязывает законодателя регулировать данный механизм по определенному образцу, Конституционный суд счел необходимым направить Парламенту представление в целях создания механизма эффективного парламентского контроля мер, принятых исполнительной властью в период чрезвычайного положения. Парламент может принять во внимание рекомендации Венецианской комиссии в данной области (см. §§ 120-121 постановления) и регулирование этого механизма европейскими государствами (см. §§ 20-44 постановления).

- **Представление № PCC-01/130a/461 от 08.10.2020 года**

Постановлением № 24 от 8 октября 2020 года Конституционный суд признал конституционной синтагму «предоставлять услуги и/или» в ст.6 ч. (5) Закона №86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях в той мере, в какой некоммерческим организациям разрешается предоставлять конкурентам на выборах во время избирательной кампании платные услуги.

Конституционный суд пришел к выводу, что запрет на предоставление платных услуг конкурентам на выборах во время избирательной кампании, установленный оспариваемыми положениями, необоснованно и дискриминационным образом ограничивает право собственности некоммерческих организаций, вступая в противоречие с положениями ст. 16 и ст. 46 Конституции.

Конституционный суд потребовал от Парламента привести ст. 6 ч. (5) Закона № 86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях в соответствие с Постановлением Конституционного суда № 24 от 8 октября 2020 года с тем, чтобы во время избирательной кампании некоммерческим организациям запрещалось предоставлять бесплатные услуги и разрешались платные услуги.

- **Представление № PCC-01/94a/533 от 10.11.2020 года**

Постановлением № 26 от 10 ноября 2020 года Конституционный суд признал неконституционным словосочетание «в том числе» в ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова (*основания обжалования на отмену).*

В указанном постановлении Конституционный суд отметил, что союзное словосочетание «в том числе», используемое законодателем в ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, вызывает вопросы с точки зрения качества закона. Его использование оставляет место для интерпретации в том смысле, что, если была подана кассационная жалоба на отмену в случае выявления в предыдущем производстве

существенного нарушения, повлиявшего на обжалуемое решение, то в случае уведомления Правительства Республики Молдова о поступлении такой жалобы в ЕСПЧ подача кассационной жалобы отдельно невозможна.

Конституционный суд указал, что такая интерпретация словосочетания «в том числе» в правоприменительной практике противоречит стандарту качества закона и нарушает право на свободный доступ к правосудию, на справедливое, полное и объективное разбирательство дела, кроме того, может привести к вынесению обвинительных приговоров в отношении государства Республика Молдова со стороны ЕСПЧ.

С целью устранения недочетов и гарантирования эффективности прав лиц, Конституционный суд в вынесенном постановлении взял на себя право предложить временное решение до внесения Парламентом поправок, соответствующих суждениям, изложенным в постановлении.

Таким образом, до внесения изменений в ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, судебные решения, вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в кассационном порядке на отмену: a) в случае, если существенное нарушение в ходе предыдущего производства повлияло на обжалуемое решение, **а также** b) в случае уведомления Правительства Республики Молдова со стороны ЕСПЧ о поступлении такой жалобы, уведомление, из которого следует, что в предыдущем производстве допущено существенное нарушение, повлиявшее на обжалуемое решение.

- **Представление № PCC-01/54a-27 от 13.11.2020 года**

В Постановлении № 27 от 13 ноября 2020 года Конституционный суд признал неконституционными тексты:

- «в тексте решения не указываются основания его принятия» во втором предложении ч. (3) статьи 55;

- «Указанные сведения и информация не могут быть сообщены ни в какой форме, прямо или косвенно, иностранцу, объявленному нежелательным лицом, в том числе в процессе рассмотрения судебной инстанцией жалобы на решение об объявлении лица нежелательным» в ч. (2) статьи 56;

- «и e)» в ч. (4) статьи 60;

- «(1) и» в ч. (4) статьи 63

Закона № 200 от 16 июля 2010 года о режиме иностранцев в Республике Молдова.

Кроме того, Конституционный суд признал неконституционной ч. (3) статьи 225 Административного кодекса в части, ограничивающей компетенцию судебных инстанций по осуществлению контроля соразмерности индивидуальных и нормативных административных актов.

Во избежание законодательного вакуума, Конституционный суд установил временное решение с учетом суждений, изложенных в постановлении. В частности, до внесения Парламентом изменений в статьи 55 ч. (3) второе предложение и 56 ч. (2) второе предложение Закона № 200 от 16 июля 2010 года о режиме иностранцев в Республике Молдова, решение об объявлении иностранца нежелательным лицом по соображениям национальной безопасности будет содержать краткое изложение причин в порядке, совместимом с законным интересом национальной безопасности, и будет сообщено иностранцу в этой форме.

- **Представление № PCC-01/189e/597 от 10.12.2020 года**

Конституционный суд 10 декабря 2020 года вынес Постановление № 30 о подтверждении результатов выборов и признании действительным мандата Президента Республики Молдова.

В ходе рассмотрения дела Конституционный суд отметил выводы национальных и международных наблюдателей о ненавистнических высказываниях и подстрекательстве к дискриминации, нетерпимости в заявлениях и выступлениях кандидатов, что оставило серьезный негативный отпечаток на избирательной кампании.

Кроме того, Центральная избирательная комиссия в своих выводах и рекомендациях подчеркнула, что «проведение избирательной кампании с подстрекательством к ненависти или клеветническими нападками на кандидатов встречается все чаще, о чем сообщают аккредитованные наблюдатели».

Конституционный суд подчеркнул, что любые ненавистнические высказывания и подстрекательство к дискриминации в период избирательной кампании, выходящие за допустимые рамки свободы выражения мнения и угрожающие частной жизни конкурента на выборах, противоречат Конституции. Стратегии контратаки конкурентов на выборах, выражаемые путем насаждения розни, ненависти и подстрекательства к дискриминации с атакой на частную жизнь, распространяемые печатными материалами, в средствах массовой информации и на платформах социальных сетей, должны наказываться и пресекаться.

Так, с учетом изложенных в Постановлении № 30 от 10 декабря 2020 года суждений, Конституционный суд указал на необходимость установления Парламентом **мер контроля и** незамедлительного **наказания** таких случаев **в целях предотвращения и борьбы с высказываниями, основанными на насаждении ненависти между конкурентами на выборах**, в том числе распространяемые **в онлайн-среде и социальных сетях**.

D. Особые мнения

К отдельным актам, вынесенным Конституционным судом, изложили особое мнение судьи:

– **Эдуард Абабей**, к Постановлению № 10 от 13.04.2020 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 56 от 2 апреля 2020 года об учреждении некоторых мер поддержки граждан и предпринимательской деятельности в период чрезвычайного положения и о внесении изменений в некоторые нормативные акты; к Определению № 40 от 13 апреля 2020 года о неприемлемости обращения № 50b/2020 г. о толковании статьи 106^1 Конституции;

– **Николае Рошка**, к Постановлению № 16 от 09.06.2020 года об исключительном случае неконституционности ст. 70 ч. (3) и ч. (13) Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года (выплата управляющему/ликвидатору фиксированного гонорара и возмещение сопутствующих расходов, возлагаемых в солидарном порядке на руководящие органы должника);

– Владимир Цуркан, к Постановлению № 20 от 09.07.2020 года о толковании положений ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции; к Определению № 40 от 13 апреля 2020 года о неприемлемости обращения № 50b/2020 г. о толковании статьи 106^1 Конституции;

– **Сергей Цуркан,** к Заключению № 1 от 22.09.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [3]) и к Заключению № 2 от 03.12.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [4]).

E. Заключения

В 2020 году Конституционный суд вынес два заключения по законопроектам о внесении изменений и дополнений в Конституцию:

– Заключение № 1 от 22.09.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [3]);

– Заключение № 2 от 03.12.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [4]).

РАЗДЕЛ III. ИСПОЛНЕНИЕ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

В соответствии со ст. 28 Закона № 317-XIII от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде, акты Конституционного суда являются официальными документами, обязательными для исполнения на всей территории страны всеми органами публичной власти и всеми юридическими и физическими лицами. Правовые последствия нормативного акта или его частей, признанные неконституционными, устраняются в соответствии с действующим законодательством.

Акты Конституционного суда имеют эффект *erga omnes*, являясь обязательными для исполнения всеми субъектами, независимо от уровня органа.

Констатация законодательного бездействия, то есть пробела в законе или в другом нормативном акте, противоречащего Конституции, неизбежно влечет за собой правовые последствия. Постановление Конституционного суда подразумевает обязанность законодателя по разрешению существующих правовых пробелов путем надлежащего регулирования и устранения несоответствующих положений.

Отсутствие законодательного вмешательства со стороны Парламента по исполнению актов конституционного органа приравнивается к невыполнению своей основной функции – *законотворческой*, которой Конституция наделила Парламент. Подобная ситуация наблюдается в условиях, когда отдельные постановления Конституционного суда, которые признают неконституционными то или иное законодательное положение или акт, могут создать законодательный вакуум, ошибки и неопределенность в применении закона.

Чтобы исключить эти негативные последствия, статья 28^{1} Закона о Конституционном суде предусматривает, что Правительство не более чем в трехмесячный срок со дня опубликования постановления Конституционного суда представляет Парламенту проект закона о внесении изменений и дополнений в нормативный акт или его часть, признанные неконституционными, или о признании их утратившими силу. Соответствующий проект закона должен рассматриваться Парламентом в первоочередном порядке.

1. Степень исполнения постановлений, признающих неконституционными положения некоторых нормативных актов

Конституционный суд, осуществляя контроль за процессом внесения изменений в законодательные акты, положения которых были признаны неконституционными постановлениями Конституционного суда, регулярно запрашивает от Парламента и Правительства информацию о степени исполнения принятых актов.

Так, остались неисполненными в 2017 г. – 4 постановления; в 2018 г. – 5 постановлений; в 2019 г. – 4 постановления, в 2020 г. (из подлежащих исполнению) – 4 постановления.

2. Степень исполнения представлений Конституционного суда

Представление – это акт, при помощи которого Конституционный суд, не присваивая себе полномочия законодательного органа, исполняет присущую ему роль «пассивного законодателя», в соответствии с положениями ч. (1) ст. 79 Кодекса конституционной юрисдикции, выявляя в законодательстве пробелы или недостатки и обращая внимание на необходимость внесения изменений в законодательные нормы, подвергнутые конституционному контролю.

За период 2011-2020 годы остались неисполненными ряд представлений Конституционного суда: в 2011 г. – одно представление; в 2014 г. – два представления; в 2015 г. – одно представление; в 2016 г. – одно представление; в 2017 г. – четыре представления; в 2018 г. – четыре представления; в 2019 г. – одно представление; в 2020 г. (из подлежащих исполнению) – два представления.

РАЗДЕЛ IV. ВНЕШНЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В течение 2020 года судьи Конституционного суда (КС) и помощники судей приняли участие в ряде мероприятий, которые способствовали укреплению внешних связей и имиджа Конституционного суда на международной арене, используя в то же время двусторонние платформы для обмена опытом и передовой практикой в области конституционного права.

В международном плане 2020 год ознаменовался празднованием 70-летия со дня подписания Европейской конвенции о правах человека. В связи с этим, *начало судебного года Европейского суда по правам человека* (ЕСПЧ) было положено организацией семинара на тему Европейская конвенция о правах человека, как живой инструмент. В этом мероприятии, проведенном 31 января 2020 года в Страсбурге (Франция), приняли участие судьи КС Николае Рошка и Люба Шова, что дало им возможность встретиться с судьей ЕСПЧ со стороны Республики Молдова, Валерием Грицко.

На национальном уровне Конституционный суд отпраздновал 25-летие своего основания. Событие было отмечено проведением международной конференции на тему «Конституционное правосудие и реакция общества: когда решения конституционных судов расходятся с мнением большинства в обществе».

А. На масштаб **двусторонних встреч** значительно повлияла пандемическая ситуация, установившаяся на мировом уровне с марта 2020 года. Так, в первые месяцы отчетного года состоялся ряд официальных визитов в Конституционный суд, которые мы отметим ниже.

Господин Петер Михалко, посол, глава делегации Европейского Союза в Республике Молдова, 16 января 2020 года встретился с судьями КС, которые выразили свою признательность за поддержку и существенный вклад международных партнеров и Европейского Союза при участии Венецианской комиссии в преодолении политического и конституционного кризиса в июне 2019 года. Посол Михалко заверил, что Европейский Союз останется надежным союзником и партнером Республики Молдова в процессе реализации реформ во всех сферах деятельности, включая правосудие.

В ходе встречи от 20 января 2020 года судей Конституционного суда с членами делегации Совета Европы во главе с Кристосом Джакумопулос, генеральным директором Управления по защите прав человека и верховенства права, в сопровождении представителей Секретариата Совета Европы, Венецианской комиссии и главы офиса Совета Европы в Кишиневе, г-на Уильяма Массолин, дискуссии сосредоточились в основном на реформировании правосудия. Представители европейских организаций заверили судей КС в том, что Совет Европы и, в частности, Венецианская комиссия окажут всю необходимую поддержку в поиске решений, согласованных с руководством страны, подчеркнув при этом важность достижения консенсуса по вопросам внедрения реформ.

В ходе встречи была выражена уверенность в нынешнем составе КС и в его дальнейшей деятельности, подчеркнув ключевую роль КС в деле реформирования путем обеспечения соблюдения Конституции и принципов правового государства. Кроме того, была отмечена важность сохранения тесного сотрудничества между КС и Венецианской комиссией, которое на протяжении лет имело положительные результаты для Республики Молдова.

В свою очередь, судьи Конституционного суда выразили готовность сотрудничать с внутренними и международными организациями для обеспечения надлежащего проведения процесса реформирования правосудия, который укрепит доверие граждан Республики

Молдова к демократическим органам государства, и поблагодарили представителей Совета Европы и, в частности, Венецианской комиссии, за предоставленные в последний период заключения и за поддержку в процессе преодоления политического и институционального кризиса, повышения уровня применения международных стандартов в области конституционной юрисдикции.

В рамках встречи судей КС с господином Дереком Дж. Хоган, чрезвычайным и полномочным послом Соединенных Штатов Америки в Республике Молдова, состоявшейся 28 января 2020 года, председатель Конституционного суда Владимир Цуркан выразил высокую признательность за поддержку и вклад посольства Соединенных Штатов Америки, совместно с другими международными партнерами страны, в преодолении политического кризиса в июне 2019 года. В коротком представлении деятельности действующего состава Конституционного суда с момента вступления в должность председатель КС подчеркнул важность повышения имиджа Конституционного суда в обществе и укрепление доверия граждан в этот орган, который гарантирует верховенство Конституции, обеспечивает реализацию принципа разделения властей в государстве, а также гарантирует ответственность государства перед гражданами, а граждан перед государством.

Судьи КС 30 января 2020 года провели встречу с г-м Ламберто Заннье, верховным комиссаром ОБСЕ по национальным меньшинствам. Комиссар Ламберто Заннье отметил важную роль Конституционного суда в деле внедрения демократических реформ в Республике Молдова, указав в связи с этим, что проводимые реформы не должны затрагивать интересы национальных меньшинств в Республике Молдова. В то же время, он высоко оценил плодотворное сотрудничество Конституционного суда с международными организациями, в частности с Венецианской комиссией.

Делегация Венецианской комиссии во главе с ее председателем, г-м Джанни Букиккио, 19 февраля 2020 года посетили с визитом Конституционный суд. Судьи Конституционного суда поблагодарили комиссию за приложенные усилия и поддержку, оказанную предоставлением консультативных заключений по правовым вопросам, чувствительным для Республики Молдова. Бесценная помощь, которую получает КС на протяжении лет, позволила систематизировать передовой опыт и стала важным источником вдохновения для решений, принимаемых в процессе своей деятельности. Председатель Букиккио подчеркнул существующее с КС плодотворное сотрудничество, которое комиссия будет развивать и дальше, и отметил, что конституционное правосудие является важной сферой деятельности возглавляемого им органа, а работа конституционных судов находится в центре его внимания.

Учитывая перерыв в двухсторонней дипломатической деятельности на примерно 7 месяцев, спровоцированный чрезвычайным положением в области здравоохранения, введенным на национальном уровне, и необходимость применения и соблюдения мер контроля и борьбы с инфекцией COVID-19, обеспечения охраны здоровья и безопасности труда работников Конституционного суда, диалог по этому сегменту возобновился лишь осенью 2020 года.

Так, 29 сентября 2020 года КС посетил чрезвычайный и полномочный посол Соединенных Штатов Америки в Республике Молдова, г-н Дерек Дж. Хоган, беседа с которым касалась в основном вопросов реформирования правосудия и роли Конституционного суда в этом процессе, выраженного обеспечением соблюдения Конституции и вытекающих из нее принципов. В рамках беседы председатель КС, Домника Маноле, отметила основные задачи Конституционного суда, подчеркнув важность сохранения независимости судей в демократическом обществе, обеспечения верховенства Конституции и авторитета Конституционного суда.

В Конституционном суде Республики Молдова 30 сентября 2020 года состоялась встреча судей КС с главой делегации Европейского Союза в Республике Молдова, г-м Петером Михалко, в ходе которой обсуждались ряд вопросов, включая судебную реформу,

эффективное взаимодействие с Венецианской комиссией, независимость конституционных судей и необходимость соблюдения Конституции.

Председатель КС, Домника Маноле, подчеркнула важность соблюдения Конституции и развития отношений с Венецианской комиссией, рекомендации которой способствовали внедрению передовых политических и правовых практик в Республике Молдова. В связи с этим, председатель КС сообщила г-ну Петеру Михалко о том, что с февраля 2021 года по 2024 год Конституционный суд будет обеспечивать председательство в Конференции Европейских конституционных судов.

Судьи Конституционного суда Республики Молдова 8 октября 2020 года провели встречу с делегацией Миссии БДИПЧ/ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами от 1 ноября 2020 года во главе с главой Миссии, Корьен Йонкер.

В ходе встречи в основном обсуждались вопросы, связанные с порядком проведения выборов, процедурой признания действительными президентских выборов и подтверждения их законности Конституционным судом, порядком разрешения избирательных споров и исполнения представлений Конституционного суда по принятым решениям, а также с проверкой их исполнения. Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, подчеркнула важность соблюдения Конституции со стороны всех участников, прямо или косвенно вовлеченных в предвыборную кампанию, путем эффективного обеспечения права на голосование и права быть избранным.

Судьи КС 9 октября 2020 года провели встречу с чрезвычайным и полномочным послом Королевства Швеции в Республике Молдова, госпожой Анной Либерг, в рамках которой обсуждались ряд вопросов, в частности, роль Конституционного суда в процессе реформирования правосудия, принятие в феврале 2021 года председательства в Конференции Европейских конституционных судов сроком на три года, институциональные приоритеты, важность независимости судей и др. Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, подчеркнула значимость развития двусторонних отношений со Швецией, выразив в связи с этим открытость для реализации совместных проектов.

Судьи КС 12 октября 2020 года встретились с господином Уильямом Массолин, главой офиса Совета Европы в Кишиневе, который отметил сотрудничество и поддержку, оказываемую Советом Европы Республике Молдова на протяжении 25 лет в деле продвижения демократии и передового управления, соблюдения прав человека и развития правового государства.

Обсуждались вопросы о взаимодействии с Венецианской комиссией, о роли Конституционного суда в обеспечении соблюдения Конституции и независимости конституционных судей. Отдельной темой для беседы стало заключение Конституционного суда по законопроекту о внесении конституционных поправок от 22 сентября 2020 года. Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, высоко оценила уровень взаимодействия между Конституционным судом и Венецианской комиссией и, в то же время, выразила открытость в деле обеспечения надлежащего проведения процесса реформирования правосудия, согласно конституционным принципам.

Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, 15 октября 2020 года встретилась с верховным советником ЕС в области юстиции и прокуратуры в Республике Молдова, госпожой Сату Сеппанен, с которой они обсудили вопросы, связанные с полномочиями Конституционного суда и его конституционной ролью в процессе реформирования правосудия в Республике Молдова. Председатель КС выразила признательность за сотрудничество с Европейским Союзом и его поддержку властям Республики Молдова, и сообщила по этому случаю о принятии КС в феврале 2021 года председательства в Конференции Европейских конституционных судов на трехлетний срок, которое в настоящее время осуществляет Конституционный суд Чешской Республики.

B. В 2020 году, **на национальном уровне**, КС организовал и провел *Международную конференцию, посвященную 25-летию со дня основания Конституционного суда*. Мероприятие ознаменовалось организацией международной конференции на тему «Конституционное правосудие и реакция общества: когда решения конституционных судов расходятся с мнениями большинства в обществе».

В мероприятии приняли участие делегация Венецианской комиссии во главе с ее председателем, г-м Джанни Букиккио, делегации 14 конституционных судов и смежных им органов из разных стран, представители дипломатического корпуса, научной среды внутри страны и зарубежья, представители гражданского общества, а также руководители государственных учреждений, таких как: Президентура, Парламент, Правительство, Высший совет магистратуры, Высшая судебная палата, Генеральная прокуратура и другие.

Председатель Конституционного суда, Владимир Цуркан, поблагодарил участников конференции и подчеркнул, что эти 25 лет составляли период преобразований, испытаний и трудностей, были годами накопления и развития опыта, а основной целью основания Конституционного суда являлась гарантия верховенства Конституции, защита прав человека и демократических ценностей в правовом государстве. Вместе с основанием Конституционного суда Республика Молдова приобрела ключевое звено для обеспечения реализации принципа разделения властей в государстве в конституционной демократии.

Председатель Конституционного суда подчеркнул, что задача судей КС состояла и состоит в создании и поддержке связующего моста между Конституцией и обществом, опираясь на сосуществование равновесия и компромисса, как показателей развитой демократии. В ходе конференции участники выразили свое мнение по обсуждаемой теме, особо выделив опыт других конституционных органов и подчеркнув, что роль Конституционного суда состоит не в балансировании между большинством и меньшинством, а в защите конституционных прав.

C. По вопросу **взаимодействия с другими аналогичными органами** отметим участие председателя Конституционного суда, Домники Маноле, в *международной конференции «Конституция XXI века – верховенство закона, человеческие ценности и эффективность государства»*, посвященной 25-летию принятия Конституции Республики Казахстан, которая состоялась 27 августа 2020 года в онлайн формате.

Мероприятие было организовано под эгидой Конституционного совета Республики Казахстан с участием таких почетных гостей, как председатель Венецианской комиссии, г-н Джанни Букиккио, генеральный директор Германского фонда международного правового сотрудничества (IRZ), г-жа Фрауке Бахлер, председатель суда Евразийского экономического союза, глава офиса ОБСЕ в Нур-Султане и др.

В рамках конференции были представлены тематические доклады руководителей Конституционных судов Германии, Украины, Латвии, Армении, Индонезии, Кореи, Таиланда, Казахстана, Азербайджана, Мальдивских островов, Мьянмы, Монголии, Российской Федерации, Таджикистана, Узбекистана и др., а также казахских ученых и иностранных экспертов.

В сентябре текущего года работники конституционных судов Республики Молдова и Румынии провели ряд совместных онлайн семинаров. На открытии мероприятия председатель Конституционного суда Румынии, Валер Дорняну, и председатель Конституционного суда Республики Молдова, Домника Маноле, поблагодарили румынских коллег за бесценный обмен научными знаниями и продемонстрированную ими открытость.

D. **Участие КС в других международных мероприятиях**

В период 24-27 февраля делегация КС во главе с председателем Владимиром Цуркан приняла участие во *встрече на высоком уровне Глобальной сети судебной неподкупности*,

которая прошла в Дохе, Катар. Повестка дня встречи включала такие темы, как: «Использование судьями социальных сетей», «Использование судьями искусственного интеллекта», «Прозрачность и ответственность высших судебных органов», «Переоценка и освобождение от должности судей в конституционный переходный период» и др., и завершилась подписанием Декларации о неподкупности судей.

В рамках мероприятия состоялись беседы в неформальной обстановке председателя Конституционного суда с председателем Кассационной палаты государства Катар, доктором Hassan bin Lahdan Alhassan Almohanadi, с представителями Высшего совета магистратуры Румынии, Верховного суда Российской Федерации, Высшего совета магистратуры Грузии и Конституционного суда Чешской Республики, присутствовавшими на встрече.

Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, 8 декабря 2020 года приняла участие в *международной конференции «70 лет ЕСПЧ, 25 лет со дня вступления Республики Молдова в Совет Европы – внедрение стандартов Совета Европы на национальном уровне»*, организованной в онлайн формате под эгидой института Народного адвоката, в рамках которой она выступила с докладом о роли Конституционного суда в обеспечении соблюдения прав и основных свобод человека в Республике Молдова, в свете Европейской конвенции о правах человека.

Председатель Конституционного суда, Домника Маноле, 11 декабря 2020 года приняла участие в международной конференции «*Лидерство женщин и их роль в процессе демократизации страны*», также организованной онлайн под эгидой Парламента Европы и посвященной роли женщины-руководителя в процессе демократизации страны.

В рамках конференции выступили также Рамона Стругариу, член Комиссии по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам Парламента Европы, и Лаура Кодруца Кевеси, Генеральный прокурор Европейского Союза. Председатель Конституционного суда выступила с речью о важной роли женщин в продвижении принципов правового государства и основных демократических ценностей в Республике Молдова.

РАЗДЕЛ V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ЦИФРАХ

В течение 2020 г. в Конституционный суд было представлено 227 обращений, 46 обращений остались нерассмотренными с 2019 года, 71 обращение перешли на 2021 год (*см. диаграмму 1 в Приложении № 1)*.

В 2020 году (*см. диаграмму 3)* наибольшее количество обращений подали судебные инстанции (156 обращений), депутаты Парламента и парламентские фракции (64 обращения).

На протяжении отчетного года Конституционный суд вынес 31 постановление, из которых 10 постановлений об исключительном случае неконституционности, 10 постановлений о контроле конституционности некоторых нормативных актов, 6 постановлений о толковании некоторых норм Конституции и др. (*см. диаграмму 3 в Приложении № 1*).

Кроме того, в 2020 г. Конституционным судом было вынесено 2 заключения, 140 определений о неприемлемости обращений, 4 определения о прекращении производства по делу, 5 определений о приостановлении действия оспариваемых актов и 15 определений об отклонении запросов о приостановлении действия оспариваемых актов (*см. диаграмму 2 в Приложении № 1*).

В большинстве принятых в 2020 году постановлений Конституционный суд признал оспариваемые положения неконституционными (*см. диаграмму 5 в Приложении № 1*).

Сравнительный анализ решений Конституционного суда показывает, что, как и в предыдущие годы, преобладали обращения об исключительном случае неконституционности. В общем количестве обращений, представленных в 2020 году, они составили 69 %.

По предмету оспариваемых положений обращения, представленные в 2020 году, распределились следующим образом: уголовное право (34%), гражданское право (24%), административное право (22%), социальные, экономические и культурные права (17%) и политические права (3%) (*см. диаграмму 10 в Приложении № 1*).

Учитывая комплексный характер обращений, а также постоянно растущий объем судопроизводства (*см. диаграмму 11 в Приложении № 1*), **в целях повышения эффективности конституционного контроля, необходимо увеличить штатный персонал Секретариата Конституционного суда, в частности число помощников судей. Реализация этой задачи возможна при укреплении законного статуса помощников судей Конституционного суда**.

Приложение № 1

Диаграмма 1

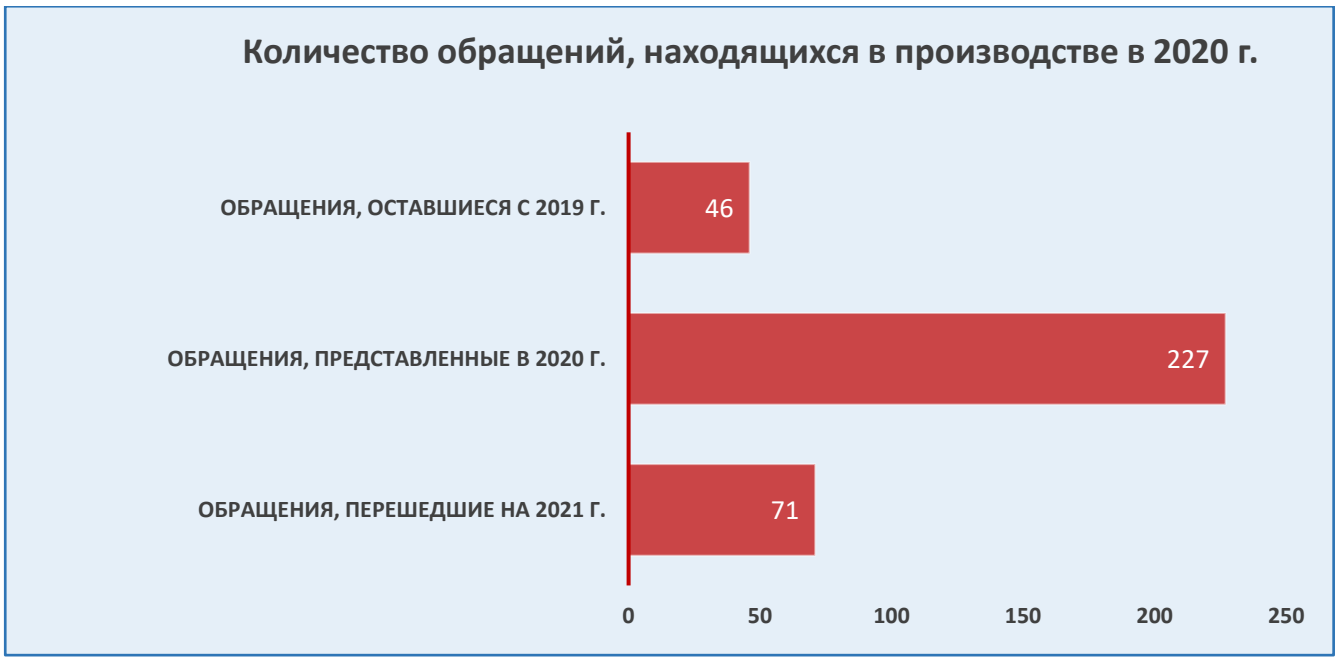

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Диаграмма 4

Диаграмма 5

Диаграмма 6

Диаграмма 7

Диаграмма 8

Диаграмма 9

Диаграмма 10

Диаграмма 11

Приложение № 2

ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ В 2020 ГОДУ

Порядковый номер	Номер и название акта
1.	Постановление № 1 от 13.01.2020 года об утверждении Доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2019 году
2.	Постановление № 2 от 23.01.2020 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 6 п. 11^1) Уголовно-процессуального кодекса (определение понятия «серьезная фактическая ошибка»)
3.	Постановление № 3 от 04.02.2020 года об исключительном случае неконституционности ст. 87 ч. (2) и ч. (3) Трудового кодекса (обязательность согласия профсоюзного органа для увольнения [2])
4.	Постановление № 4 от 25.02.2020 года о признании мандата депутата Парламента Республики Молдова
5.	Постановление № 5 от 25.02.2020 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений п. d) ч. (1) статьи 8 Закона № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях (количество членов, необходимое для регистрации политической партии)
6.	Постановление № 6 от 10.03.2020 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 27 ч. (5) Закона № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере и п. 8 Приложения № 6 к Постановлению Правительства № 1231 от 12 декабря 2018 года о введении в действие положений Закона №270/2018 о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере (гарантии по заработной плате в случае приостановления трудовых отношений)
7.	Постановление № 7 от 24.03.2020 года об исключительном случае неконституционности статьи 15^1 ч. (5) Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве (отбор и определение судьи для исполнения полномочий судьи по уголовному преследованию в случае, если ни один из судей не выразил своего согласия)
8.	Постановление № 8 от 24.03.2020 года о подтверждении результатов новых парламентских выборов в одномандатном избирательном округе № 38, состоявшихся 15 марта 2020 года, и признании мандата избранного депутата
9.	Постановление № 9 от 26.03.2020 года о толковании положений ст. 137 Конституции Республики Молдова (уголовная ответственность конституционных судей)
10.	Постановление № 10 от 13.04.2020 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 56 от 2 апреля 2020 года об учреждении некоторых мер поддержки граждан и предпринимательской деятельности в период чрезвычайного положения и о внесении изменений в некоторые нормативные акты
11.	Постановление № 11 от 07.05.2020 года о толковании положений ст. 72 ч. (3) п. а) Конституции

12.	Постановление № 12 от 07.05.2020 года о контроле конституционности Соглашения между Правительством Республики Молдова и Правительством Российской Федерации о предоставлении Правительству Республики Молдова государственного финансового кредита, подписанного 17 апреля 2020 года, Постановлений Правительства № 169 от 13 марта 2020 года и № 252 от 21 апреля 2020 года и Закона № 57 от 23 апреля 2020 года
13.	Постановление № 13 от 21.05.2020 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 3 от 25 февраля 2016 года о Прокуратуре, Постановления Парламента № 101 от 30 июля 2019 года о выдвижении кандидатуры на должность временно исполняющего обязанности Генерального прокурора Республики Молдова и Указа Президента Республики Молдова № 1232-VIII от 31 июля 2019 года о назначении господина Думитру Робу временно исполняющим обязанности Генерального прокурора
14.	Постановление № 14 от 26.05.2020 года о признании мандата депутата Парламента Республики Молдова
15.	Постановление № 15 от 28.05.2020 года об исключительном случае неконституционности статьи 191 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса (временное освобождение под судебный контроль [2])
16.	Постановление № 16 от 09.06.2020 года об исключительном случае неконституционности ст. 70 ч. (3) и ч. (13) Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года (выплата управляющему/ликвидатору фиксированного гонорара и возмещение сопутствующих расходов, возлагаемых в солидарном порядке на руководящие органы должника)
17.	Постановление № 17 от 23.06.2020 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 212 от 24 июня 2004 года о режимах чрезвычайного, осадного и военного положения и некоторых положений Постановления Парламента № 55 от 17 марта 2020 года об объявлении чрезвычайного положения
18.	Постановление № 18 от 30.06.2020 года о контроле конституционности ст. 76^{1} ч. (1) Кодекса о правонарушениях (несоблюдение мер по профилактике, предупреждению и/или борьбе с эпидемическими заболеваниями, если это поставило под угрозу общественное здоровье)
19.	Постановление № 19 от 07.07.2020 года о толковании статей 2 ч. (1), 38, 61 ч. (1) и ч. (3), 78, 85 ч. (1), ч. (2) и ч. (4), 90 ч. (1), ч. (2) и ч. (4) Конституции
20.	Постановление № 20 от 09.07.2020 года о толковании положений ст. 134 ч. (1) и ч. (2), ст. 136 ч. (3) и ст. 140 ч. (2) Конституции
21.	Постановление № 21 от 04.08.2020 года об исключительном случае неконституционности ст. 84 Закона о несостоятельности № 149 от 29 июня 2012 года (обязательство не покидать территорию страны или место жительства в процессах несостоятельности)
22.	Постановление № 22 от 06.08.2020 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 226^{16} ч. (11) Налогового кодекса, принятого Законом № 1163 от 24 апреля 1997 года (предоставление налоговой информации судебным инстанциям и органам уголовного преследования как средство доказывания)
23.	Постановление № 23 от 06.08.2020 года о толковании статей 89, 91 и 98 ч. (1) Конституции

24.	Постановление № 24 от 08.10.2020 года о контроле конституционности некоторых положений ст. 6 ч. (5) Закона № 86 от 11 июня 2020 года о некоммерческих организациях (запрет на предоставление услуг конкурентам на выборах во время избирательной кампании со стороны некоммерческих организаций)
25.	Постановление № 25 от 29.10.2020 года о контроле конституционности статьи 12 частей (7) и (8) Закона № 618 от 31 октября 1995 года о государственной безопасности (обязанность органов власти предоставлять информацию Высшему совету безопасности)
26.	Постановление № 26 от 10.11.2020 года о контроле конституционности некоторых положений ст. 453 ч. (1) Уголовно-процессуального кодекса, утвержденного Законом № 122 от 14 марта 2003 года (основания обжалования на отмену)
27.	Постановление № 27 от 13.11.2020 года о контроле конституционности некоторых положений статей 55 ч. (3), 56 ч. (2), 60 ч. (4) и 63 ч. (4) Закона № 200 от 16 июля 2010 года о режиме иностранцев в Республике Молдова (гарантии иностранцев в случае выдворения)
28.	Постановление № 28 от 19.11.2020 года о толковании ст. 64, ст. 72, ст. 73, ст. 74 и ст. 131 ч. (4) Конституции
29.	Постановление № 29 от 26.11.2020 года о контроле конституционности ст. 60 Закона № 1544 от 23 июня 1993 года о пенсионном обеспечении военнослужащих и лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел и Генерального инспектората карабинеров
30.	Постановление № 30 от 10.12.2020 года о подтверждении результатов выборов и признании действительным мандата Президента Республики Молдова
31.	Постановление № 31 от 17.12.2020 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ч. (2) и ч. (7) статьи 67 Исполнительного кодекса, принятого Законом № 443 от 24 декабря 2004 года (момент вручения актов судебного исполнителя адресату)
32.	Заключение № 1 от 22.09.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [3])
33.	Заключение № 2 от 03.12.2020 года по законопроекту о внесении изменений и дополнений в Конституцию (судебная система [4])